

Приложение

Исследования Г. С. Виноградова
по детскому фольклору

ГЕОРГИЙ СЕМЕНОВИЧ ВИНОГРАДОВ (1887 — 1945)

В архиве П. К. Симони¹ находится собственноручно написанная автобиография Г. С. Виноградова.

«Виноградов Георгий Семенович, родился в селе Тулуе Иркутской губернии, учился в Иркутской духовной семинарии, о которой сохранил самые светлые воспоминания, как о пережитой радости. В бытность студентом (в Санкт-Петербурге) занимался биологией в лаборатории имени Лесгафта под руководством профессора С. И. Метальникова². Пережил кризис (не по вине учителя, прекрасного человека и большого ученого), оставил естественные науки, ушел к гуманитарным. Под влиянием бесед с этнографом А. А. Макаренко³, человеком большой и прекрасной души, сделал первые опыты самостоятельных изысканий в области русской этнографии. Поощрение Русского географического общества побудило продолжить работу⁴. По возвращении в Сибирь преподавал в Читинской гимназии и Коммерческом училище. В 1921 году — стипендиат Государственного университета в Иркутске, в 1922 году выдержал магистерский экзамен. С тех пор преподаю в университете: читаю курсы по этнографии и курс народной словесности. Читал курс о детском языке. В художественной студии (в Иркутске) тоже читал в разное время курс этнографии. Профессорскую деятельность нахожу единственно интересной и нужной: впрочем, на ближайшее время ничего другого не имею.

18.IX.1928 Профессор Иркутского Государственного университета
Георгий Виноградов»⁵.

¹ Симони Павел Константинович (1859 — 1939) — филолог, фольклорист, книговед. Член-корреспондент АН СССР.

² Метальников Сергей Иванович (1870 — 1946) — известный русский биолог. С 1918 года работал в Париже.

³ Макаренко Алексей Алексеевич (1860 — 1942) — этнограф, фольклорист. Автор книг: «Сибирский народный календарь» (СПб., 1913); «Промысел красной рыбы на Ангаре» (СПб., 1902); «Сибирские песенные старины» (СПб., 1907).

⁴ В 1916 году Г. С. Виноградов награждается серебряной медалью Русского географического общества. См.: Исторический вестник. 1916. № 3. С. 921 — 922.

⁵ РО РНБ. Ф. 696 Симони П. К. Ед. хр. 148. Л. 106 — 2.

Автобиография, которая, по нашим сведениям, публикуется впервые, нуждается в некоторых существенных дополнениях.

Одиннадцатилетним ребенком Г. С. Виноградов, сын занимавшегося извозом ямщика, подрабатывал перепиской нот и ролей в общественном собрании Тулуна¹. В Иркутске Г. С. Виноградов поступает в духовную семинарию, которую не кончил, потому что был исключен за сочувствие рабочему движению и отсидел несколько месяцев в Иркутской тюрьме. Этот факт (в принципе «выгодный» для послереволюционной карьеры) Г. С. Виноградов никогда не вспоминает.

В 1911 году Г. С. Виноградов приезжает в Петербург и продолжает образование на Высших педагогических курсах. В 1913 — 1915 годах появляются его первые публикации по этнографии. В одной из них, в «Песнях отживающего поколения»², он использует записи протяжных песен, которые исполняла его мать. В 1916 году Г. С. Виноградов получает серебряную медаль Русского географического общества по отделению этнографии, о которой и вспоминает в автобиографии.

В 1913 году Г. С. Виноградов возвращается в Сибирь, учительствует в с. Коркино Енисейской губернии. В 1915 году он начинает преподавать русский язык и литературу в частной женской гимназии в Чите, а затем в Высшем начальном училище у себя на родине.

Не имея высшего образования и чувствуя необходимость получить его, Г. С. Виноградов в 1918 году становится «студентом неопределенного курса» заочного отделения Иркутского университета. В 1920 году он заканчивает его и, как сказано в автобиографии, сдает магистерский экзамен и становится стипендиатом для подготовки к профессорской деятельности. В 1920 — 1921 годах Г. С. Виноградов заведует русским отделом в Иркутском музее народоведения. С 1925 года — он профессор университета.

«Иркутский период» — наиболее плодотворный в научной деятельности Г. С. Виноградова. На этот период приходится основное число его интереснейших и фундаментальных публикаций, многочисленные экспедиции, плодотворнейшее сотрудничество с Восточно-Сибирским отделом Географического общества. В «Сибирской живой старине», членом редакции которой он является, публикуется ряд его знаменитых статей, посвященных детскому быту и фольклору. Однако следует отметить, что у наших современников зачастую складывается несколько одностороннее впечатление о научном наследии Г. С. Виноградова: его имя исключительно связывают с работами, посвященными детскому фольклору и этнографии детства. Это далеко не так. Библиография научных трудов сибирского ученого составляет около 100 публикаций (при этом практически невозможно выявить его статьи в «Сибирской советской энциклопедии»³, несколько его неопубликованных работ хранится в архивах. Многие из трудов Г. С. Виноградова

¹ В 1925 году Г. С. Виноградов составит «Новую программу по музыкальной этнографии» (Сибирская живая старина. 1925. Вып. III — IV. С. 45 — 46).

² Сибирский архив. 1914. № 7 — 8. С. 357 — 367.

³ Наиболее полная библиография трудов Г. С. Виноградова (45 названий) опубликована в приложении к статье А. А. Сириной «Выдающийся этнограф и фольклорист Г. С. Виноградов (1887 — 1945)» (Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 22).

представляют собой фундаментальные исследования фольклористического и этнографического характера: он автор работ по народной медицине, «обмиранию», причитаниям и проблемам фольклоризации литературных произведений.

В 1930 году после закрытия Иркутского университета Г. С. Виноградов переезжает в Ленинград, где уже обосновался его коллега и один из наиболее близких друзей М. К. Азадовский¹. Г. С. Виноградов работает в Пушкинском доме, в ряде научно-исследовательских институтов Академии наук (по договорам), в 1940 году его приглашали работать в Институт этнографии. Несмотря на то, что он постоянно публикуется, комментирует «Народные русские сказки» Афанасьева, участвует в работе над Словарем современного русского литературного языка и в ряде других академических изданий, создается впечатление его неустойчивости в Ленинграде. Последние годы его жизни крайне запутаны. Иногда он выезжает в Сибирь. Иногда пропадает из поля зрения друзей на целые месяцы. Работает в основном «в стол». Многие его планы, как свидетельствует его архивное наследие, остаются нереализованными. Предлагаемые издательствам заявки на книги не принимаются. Жизнь отягощают болезнь, семейные трагедии. В 1942 году сгорает в Павловске часть его личного научного архива. В этом же году он эвакуируется сначала в Углич, а затем в Алма-Ату. Скончался Г. С. Виноградов и похоронен в 1945 году в Ленинграде. Точное место захоронения, к сожалению, не известно.

В настоящем издании перепечатываются две статьи Г. С. Виноградова: «Детская сатирическая лирика»² и «Детские тайные языки»³, опубликованные в 1920-е годы в Сибири и с тех пор практически не издававшиеся⁴. Отметим, что лишь в последнее время стали появляться работы, продолжающие научную разработку как жанра дразнилки, так и форм детских тайных языков⁵.

А. Ф. НЕКРЫЛОВА и В. В. ГОЛОВИН

¹ Азадовский Марк Константинович (1888 — 1954) — литературовед, фольклорист, этнограф, библиограф. В 1920 — 1930-е годы был профессором Иркутского университета, председателем Восточно-Сибирского отдела РГО, членом редакции «Сибирской живой старины», редактором «Сибирской советской энциклопедии», заведовал Библиографическим бюро Института исследования Сибири.

² Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина. 1925. Вып. III — IV. С. 65 — 106. Отд. издание: Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925.

³ Детские тайные языки // Сибирская живая старина. 1926. Вып. II (VI). С. 89 — 112. Отд. издание: Детские тайные языки. Иркутск, 1926.

⁴ В 1995 году работа Г. С. Виноградова «Детские тайные языки» почти в десятикратном сокращении была опубликована в журнале «Народное творчество» (№ 5. С. 13 — 15).

⁵ Имеются в виду работы: Осорина М. В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 45 — 64; Головин В. В. Детское обычное право // Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Oakland, 1997. P. 7 — 36; Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика. М., 1987. С. 72 — 73.

Г. С. Виноградов

ДЕТСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ЛИРИКА

І. ЗАМЕТКИ И НАБЛЮДЕНИЯ

Детский фольклор не пользуется особым вниманием собирателей и исследователей. В этой области мы имеем только случайные записи да несколько больших этнографических сборников, где среди прочего материала нашли приют и разнообразные детские песенки, присловья, прибаутки и проч. Таковы собрания Чубинского, Шейна, Соколовых; из сибирских собирателей можно назвать Арефьева, Станиловского, Молотилова.

Поскольку можно судить, опираясь на эти немногие материалы, детский фольклор не является чем-то одноставным или однородным. Термином *детский фольклор* можно обозначить *всю совокупность словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых*¹.

К детскому фольклору мы относим жеребьевки и считалки, некоторые скороговорки и прибаутки, многие пе-

¹ Интерес к произведениям детского словесного творчества утрачивается довольно рано: участие в детских забавах и, в частности, в исполнении детских песенок двенадцати-, тринадцатилетних ребят расценивается в деревне как явление не совсем привычное. Не говоря уже о том, что взрослые забывают тексты песенок, распеваемых ими в детстве, они утрачивают вкус к детским мелодиям и не сохраняют их ни в одном из видов песенного творчества. В то время как для детей их песни, прибаутки, присказки наполнены неисчерпаемо богатым содержанием и порождают у них «ряды страстных ассоциаций», для взрослых почти все эти произведения — бессмысленный набор слов, а мелодии — едва терпимые однообразные и резкие звуки, уже не вызывающие работы воображения. Видимо, здесь и надо искать объяснение того явления, что детский фольклор в целом и его отдельные виды для этнографов и народнословесников остаются едва видимыми и редко упоминаемыми фактами.

сенки, рацейки¹* и тексты рождественского славения, потешки, песенки заговорного характера и т. д.

В этих видах словесных произведений нетрудно заподозрить не только связь с общим фольклором, но и прямое влияние творчества взрослых. Благодаря такой связи иногда стираются и не всегда улавливаются границы между общим фольклором и детским словесным творчеством. Отсюда — отсутствие договоренности во взглядах на детское словесное искусство. Так, одну из разновидностей, обычно относимую к детскому фольклору — именно песенки о разных домашних животных, насекомых и зверях, — Шейн отказывается включить в «разряд детских песен». Песни о животных «в значительной степени потеряли интерес в среде народа для людей старших поколений». Если они сохраняются, то лишь потому, что являются «самым желанным, самым удобным и подходящим средством занимать и забавлять приятным образом своих и чужих малюток... Если эти малютки, выросши и возросши до отроческих лет, сами с удовольствием начинают часто употреблять эти самые песенки и прибаутки, то это обстоятельство никоим образом не дает еще нам права выдавать их за такой памятник народного творчества, по которому будто можно изучать язык, быт и психическую жизнь крестьянских детей»¹.

Считая это замечание не лишенным оснований, невозможно все же принять его целиком. Не говоря уж о том, что дети перенимают от взрослых только доступное им, близкое, отвечающее их настроению, нельзя не иметь в виду, что названный вид фольклора, идущий в детскую среду от взрослых, в отношении темы, образов, языка, мелодии очень близок детскому миру. Поэтому мы имеем право говорить о нем именно как о детском фольклоре.

Эти замечания относятся и к так называемым потешкам, т. е. словесным произведениям, определяемым Шейном² как «песенные прибаутки и приговоры, которыми дети, вышедшие из младенческого возраста, уже начинают сами себя тешить и забавлять».

¹ Шейн П. В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. С. VIII.

² Там же. С. 26.

Влияние взрослых — посредственное в одних случаях и непосредственное в других — здесь несомненно. Безошибочно распознать в напеваемых или присказываемых детьми стихотворениях самобытное и усвоенное от взрослых не всегда удастся; однако внимательные наблюдения во многих случаях обнаруживают в них следы творческой обработки, принадлежащей детям, или приурочение их к тем или иным потребностям, выполненное детьми.

То же надо сказать и о колыбельных песнях. Безоговорочно их нельзя относить к детскому фольклору: поскольку они хранятся главным образом детьми и поскольку дети отчасти являются и творцами в этой области, это — детский фольклор; но происхождение их, как и потешек, — не здесь, не в творчестве детей; этот вид словесных произведений создан если не целиком, то в значительной своей части взрослыми и только *спустился* в детскую среду и усвоен ею^{1. 2*}.

Если во всех этих произведениях перед нами не во всем самобытный плод детского творчества, все-таки в них мы имеем произведения словесного творчества в детском исполнении, в детской редакции.

Вопрос о происхождении той или другой разновидности, о влияниях и проч. нас может занимать в данном случае меньше всего. Всякому известно, что лук (самострел) — не детское изобретение, но никто не возразит против отнесения его к числу детских игрушек. То же в словесном творчестве. Подобно тому, как, например, в области сказки позаимствования у разных народов и из разных источников не мешают нам нашу сказку считать русской и народной, так и влияния и позаимствования не могут мешать отнесению словесных произведений, хранимых детьми и не входящих в репертуар взрослых, к детскому фольклору.

Имеющиеся в научном обиходе материалы не являются результатом систематических сборов; это только

¹ Подобный процесс совершается с некоторыми видами устно-народной словесности на наших глазах. Наблюдения, относящиеся к Тулунскому уезду Иркутской губернии, показывают, что, например, народная драма, спускаясь в детскую среду, выпадает из репертуара взрослых. «Царя Максимиана» теперь нужно искать в числе сезонных игр, сохраняемых детьми-школьниками.

«попутные отложения» в общефольклорной собирательской работе. Поэтому мы напрасно стали бы искать в существующих сборниках как установившуюся классификацию детского фольклора, так и относящуюся сюда определенную терминологию. А между тем, в целях упорядочения накопленных материалов и некоторого урегулирования дальнейшей работы в этой области, было бы полезно стать в строго определенные отношения к введенному до сих пор и продолжающему входить в научное обращение материалу: сделать попытку выделить основные группы и дать им соответствующие обозначения:

* * *

В общем составе детского фольклора наибольшее количество произведений, обращающих на себя внимание, относится к виду словесного творчества, называемому Шейном «передразниваниями»¹ и «прибаутками, которыми шаловливые ребятишки потешаются и друг над дружкой, и над взрослыми, *издеваясь* то над их именами от крещения, над их сословными, даже телесными недостатками, то над их принадлежностью к иной, не русской национальности и т. п., *часто без всякого даже повода, ради одной только словесной забавы*»².

На этот вид словесных произведений обратили внимание и другие собиратели, например Чубинский;³ заметили его и сибирские фольклористы. Четверть века назад Потанин указывал на необходимость записывания «насмешливых присказок к собственным именам»⁴. Арефьев, Станюкович дали небольшой материал из этой области.

Более других записал Молотиллов⁵, который называет эти произведения *складнями*⁶.

¹ Шейн П. В. Указ. соч. С. XIV.

² Там же. С. 29. Шейн приводит 63 текста такого рода произведений, записанных в разных губерниях России: с. 29 — 37.

³ Труды статистическо-этнографической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1877. Т. 4. С. 36.

⁴ Программа для собирания сведения о деревенском быте // Отчет Вост.-Сиб. Отд. РГО за 1901 г. С. 14.

⁵ Молотиллов А. Говор русского старожилго населения северной Барабы // Труды Томского Общ-ва изучения Сибири. 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 89 — 92.

⁶ Там же. С. 87.

Эти случайно брошенные обозначения не могут быть приняты в качестве терминов-названий. Они не дают общего, родового или видового, названия, не определяют строго и входящих сюда элементов. «Складень» Молотилова может обозначать и обозначает не только то, что у Шейна названо «словесной забавой»; этим словом с тем же правом можно назвать и четкую рифмованную поговорку, и стихотворное («складное») самое доброе пожелание, и мн. др. «Передразнивания» могут быть и в иной словесной форме, не той, которую мы сейчас имеем в виду, а «прибаутки» бывают, как известно, не только издевательского и насмешливого характера. Самое слово указывает на *декоративное*, во всяком случае, не самостоятельное, значение прибаутки. А между тем в разбираемых стихотворениях мы имеем дело с словесными произведениями, живущими самостоятельной жизнью, несущими самостоятельную функцию. Разбираемые стихотворения содержат элемент язвительности, *издевательской*; прибаутка говорится только «для красного словца». Использование этого термина в данном случае не является обоснованным. «Насмешливые присказки к собственным именам» исчерпывают только часть, и притом не самую значительную, словесных произведений, которые нас интересуют.

Такая неопределенная, невыразительная и не емкая терминология не может удовлетворить запросы изучающих с той или иной целью детское словесное творчество.

Ввиду разнообразия в отношении формы, построения, содержания стихотворений, какое обнимается этим видом словесных произведений, а также ввиду того, что они в своей пестрой совокупности представляют своеобразное *lanx satura*^{3*}, ближе и полнее определило бы содержание, смысл и характерные особенности рассматриваемого вида детского творчества, обозначение, позаимствованное у древних; *satura* или *satira*. Однако выразительный термин *сати́фа*, в нашем случае — *детская сати́фа*, звучит столь непривычно и чуждо, что на принятие и закрепление его в научном обиходе едва ли можно надеяться. Менее выразительным, но более привычным термином является *сатирическая лирика*, в нашем случае — *детская сатирическая лирика*.

Последний термин (сатирическая лирика) в наше время утратил свое первоначальное значение и в привычном для нас употреблении недостаточно полно и точно передает характер имеющейся в виду группы словесных произведений, не выражая полностью того, что мы имеем в детской лирике осмеяния. Если мы и можем остановиться на нем, то только условившись вкладывать в него содержание, связанное с понятием *satura*: «всякая всячина, поэтическая мешанина, стихотворные произведения разнообразного, часто меняющегося содержания, почерпнутого непосредственно из жизни»¹. Каждый вид или жанр словесных произведений создается и живет в определенных условиях и призван выполнять то или иное, только ему данное, назначение. На эту сторону и следует обратить внимание при попытках уловить существенные признаки изучаемого явления и обозначить явление тем или иным словом.

В произведениях русского народного творчества наблюдатели отмечают, «сверх полноты мыслей», отражение характерных наших свойств. «В них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом — все шевелящее и задирающее за живое»².

Это свойство — умение найти «шевелящее, задирающее за живое» — обнаруживается уже в детском словесном творчестве, едва ли даже не в более едкой форме, чем у взрослых. Детскому творчеству ирония еще недоступна; в нем — смех жестокий, едкость ничем не смягчаемая^{3, 4*}. Кажется, невозможно указать, что не дает поводов для проявления детской издечивости. Поводом может по-

¹ Müller Lucian. Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie. St.-P., 1884. P. 105.

² Гоголь Н. В. Сочинения. СПб., 1898. Т. 5. С. 213.

³ Эта черта детского характера отмечается не только специалистами в области изучения психологии детского возраста; на ней останавливают свое внимание художники слова; достаточно напомнить утверждение Эврипида, что «страдания детей не занимают» («Медея», перев. Инн. Анненского), или Достоевского, у которого читаем: «Дети в школах народ безжалостный: порознь ангелы божии, а вместе, особенно в школах, весьма часто безжалостны» (Собр. соч. Просвещение, XVI, 351). На ту же тему пишут обозреватели жизни наших детей. В качестве примера (одного из очень многих) можно указать «образец буколических детских игр», который находим в статье Виктора Финка «Новый быт» (Русский Современник. 1924. Кн. 3. С. 202).

служить одно желание «донять». А уж если есть серьезный, для всех очевидный, повод, например обнаруженное воровство, — затравят грубыми шутками, насмешливыми песнями.

Известно, что ссора у детей — дело почти повседневное. Достаточно возникнуть недоразумению в игре, чтобы одна группа открыла действия против другой, в один момент превращающейся во враждебный лагерь.

Сначала обмениваются колкими обидными словечками.

— А, схлюздили, схлюздили! Хлюзды! хлюзды...^{5*}

— Да вы чё?! Ить эта ваша сбрендила...^{6*} Перва ить Федька, закричел, што...

— Канешна, Федька! Канешна, Федька! Канешна, Федька! — наперебой поддерживают свои.

— У ты, Федя-медя!

И дело загорелось, все в голос закричали — запели:

Федя-медя
съел медведя,
упал в яму,
кричал маму...

Федька, чтобы отвести от себя не совсем приятное общее внимание, улучшает момент и пускает ответную стрелу, отравленную обыкновенно не менее сильным ядом, в мишень из враждебного лагеря:

Иван-болван
с калакольни упал...

Если Федька пользуется расположением «свящиков» (близких, постоянных товарищей), они спешат поддержать его, и уж не один он, а целый — нестройный, но громкоголосый — хор вместе с ним продолжает начатый ответ:

Ичка^{7*} снес,
на базар панес;
на базари ни бирут,
Ваньку за уши тянут...

Вдруг кто-либо другой чем-нибудь даст повод обратить на него внимание, и песня внезапно меняется:

Васька-васёнак
худой парасёнак,
ножки трясутся,
кишки валакуются...

Или:

Тишка-плишка,
жена каратышка,
дети, как плети...

Смотришь — и враждебный лагерь переменял мету:

Хахол-махол
сел на кол,
с кола свалился
в грязь павалился...

Или:

Гром гремит,
земля трисетса,
самаход
в лаптях несетса...

Следование песенок во время исполнения одной за другую иногда носит характер словесного состязания или, лучше сказать, песенного прения, весьма близкий к диалогу¹. Обыкновенно состязание продолжается до истощения запаса готовых и вновь родившихся издевочных формул в том и другом лагере.

Истощится издевочный материал, начинаются повторения и без того уже не раз повторенных слов, — тогда обе стороны, не слушая друг друга, поют каждая свое...

Они взаимно насмеваются в безутешной перестрелке неожиданно и метко бросаемой рифмой, наскоро сложенной насмешливой песенкой, уснащенной подчас ядреным деревенским словцом, — повторяют, не подозревая того, старую и из века в век новую историю:

versibus alternis opprobria rustica fudit
libertasque recurrentis accepta per annos

¹ В поисках «истоков драматургии» оставлять этот момент незамеченным едва ли основательно.

lusit amabiliter, donec iam saevos apertam
in rabiem coepit verti iocus et per honestas
ire domos inpune minax.^{8*}

Интересующемуся детским словесным творчеством по-
учительно наблюдать, когда обе ссорящиеся и сражаю-
щиеся группы равносильны. Интересно присутствовать и
тогда, когда ватага шалунов «нарывается» на мальчугана,
который талантливо «отъедается от семи собак». Впрочем,
на такого редко и нападают; обыкновенно для травли из-
бирают «таковского».

По тому или иному поводу пристанет к нему толпа и
хором повторяет «одно по одному» бесконечное число раз
подходящее к случаю стихотворение... Попытки укрыться,
спастись бегством редко удаются. Даже если и удачным
будет бегство домой, то многоголосая крикливая песня
будет раздаваться у самых ворот, пока «большие» не про-
гонят ватагу ревунов или пока им не надоест исполнение
номера, не попадающего в цель. Один за другим ребята
разбредаются, и только самый неутомонный стоит у ка-
литки, смотрит в щелку и долго и упорно нараспев или
скороговоркой повторяет отрывки из много раз исполнен-
ной хором песенки.

Едва ли встретится какой-нибудь приметный случай,
подходящий повод, который затруднит найти бойкое
слово, легкую рифму, вряд ли вышется интересующее
ребят событие, для «отражения» которого не нашлось бы
готовой песенной формы или не родилась бы новая.

Упоминание мальчугана о том, что в школьном обще-
житии подают к обеду щи с картошкой, служит до-
статочным поводом и определяет необходимый *minimum*
материала для прозвища: «пшик-картошка». Приезд из
Псковской губернии определяет первоначальное прозвище
«скопской», а желание обострить насмешку, придать ей —
путем присвоения мальчугану качеств или особенностей де-
вочки — издевчивый характер перестраивает прозвище в
«скопсдырь». Во многих случаях прозвище разворачивается,
принимает стихотворную форму. «Бывают также случаи, —
сообщает Молотиллов, — что ребяташки, желая высмеять
кого-либо, составляют специальный по адресу данной лич-

ности складень», — и приводит в качестве примера четверостишие¹. Еще пример. Ребятам стала известна мечта одного мальчика сделаться капитаном, и, как отклик, в товарищеской среде появляется эпиграмматическое четверостишие (см. в «Материалах» № 79). Любовь к кошке закрепляет за девочкой прозвище «кошкина мать», за которое рифмой цепляется четверостишие (№ 94).

Заподозренная «симпатия» вызывает появление импровизированной эпиграммы (№ 107 — вариант; 108).

С целью «острамить» товарища за кражу или другой порицаемый поступок сговариваются «проложить славу», создают, изливая свое осуждение, краткое стихотворение (№ 37, 92). Если не найдется готовой песенной формулы, импровизируют.

Если импровизация не покажется удачной, она быстро теряется, а если хороша, складна, подходяща, т. е. отвечает общей потребности заинтересованной группы, ее без уговора или, лучше сказать, по молчаливому договору, признают заслуживающей труда быть сохраненной.

Дитя-художник, счастливый выразитель личных переживаний или настроения группы, не гонится за славой, и авторство его забывается, а пущенной им в минуту вдохновения издевке-портрету или издевке-эпиграмме выпадает завидная доля: ее подхватывают, и она делается достоянием не только группы, где она родилась, а в первоначальном виде или много раз переработанная исполнителями — в соответствии с нуждами, вкусами и дарованиями — сохраняется всем детским населением деревни, а то и переходя за ее пределы. Из определенного чувства или настроения она родилась; эти же чувства и настроения она выражает, приняв законченную форму; она всегда служит целям осмеяния, издевательства.

Таково происхождение и таковы условия бытования песенок — порождения «словесной забавы», которые пережили несколько человеческих поколений.

Для обозначения рассматриваемых здесь детских сатирических песенок можно или принять названия в готовом виде от исполнителей и ввести их в качестве условных ра-

¹ Молотиллов А. Указ. соч. С. 91.

бочих терминов в научный обиход, или из назначения этих словесных произведений вывести для них соответствующие названия.

Дети обыкновенно не дают определенного названия исполняемым словесным произведениям. На вопрос, какую они поют песню, можно услышать: «Это вовсе не песня, это так себе... дразнилка».

Не встретило бы больших возражений введение термина «дразнилка» для значительной части произведений детской сатирической лирики, если бы оно вполне выражало основную сущность и главное назначение этих произведений. Дразнилка заключает в себе шутку вообще, а в разбираемой группе детского словесного творчества непременно скрыто намерение донять, обидеть, извести человека.

Может быть, следует воспользоваться редким и далеко не общеупотребительным, но все же встречающимся в детском обиходе словом *издевка*, которое означает те самые «передразнивания», о которых говорит Шейн. Если малораспространенность этого слова в *детском обиходном языке* как будто ослабляет право воспользоваться им в качестве термина, зато оно находит свое основание в том обстоятельстве, что это общенародное слово в живом языке нашло себе место, а затем и в способе использования, и в содержании этих детских произведений. Наконец, можно напомнить, что этот термин (в несколько ином использовании) встречается и в литературе по детскому фольклору¹.

В пределах этого вида можно различать: 1. *издевку-портрет* (см. № 56, 62, 70, 114 и др.), 2. *издевку-эпиграмму* (№ 79, 107 — вариант, 108 и др.), 3. *издевку-посрамление* (№ 37, 78, 92 и др.), 4. *издевку-прозвище* (№ 87, 93, 95 и др.).

Общие характерные признаки детской сатиры заслуживают того, чтобы составить предмет специального исследования. Эти страницы продиктованы желанием поделиться немногими, мимоходом сделанными наблюдениями над детским словесным творчеством. Такая скромная задача находит свое оправдание в том обстоятельстве, что

¹ Хрущов И. П. О «Материалах для этнографии уличной жизни детей», собранных К. С. Рябинским // Известия РГО. 1885. Т. 21. С. 543.

даже наблюдения, произведенные в пределах сравнительно небольшого материала и не отражающие следов пристального изучения, обнажают некоторые характерные черты детской сатирической лирики.

* * *

Издевки построены на рифме, которая является одним из важнейших композиционных средств произведений разбираемого вида.

Любовь к рифмовке у детей — дело общеизвестное. Рифмуют чаще и удачнее имена и прозвища. Делается это в тех случаях, когда нужно представить чье-либо имя в смешном виде, и тогда, когда хочется придать своему обращению шуточный тон. Цепкость ребят в этом отношении поразительна. Девочка захотела присвоить себе понравившееся ей вычитанное где-то имя *Мифра*. Как только это намерение стало известно сверстникам, родилось рифмованное прозвище: *Миронья — дыра воронья*. Достаточно ребенку обнаружить плаксивость, он уже — «рёва — базарна корова», «плакса-макса» или «плакся-макся». Заметят, что у мальчугана или девочки выпали зубы, за ним на несколько месяцев обеспечено прозвище: «дед — сто лет»...¹

См. также в «Материалах», № 1 — 20.

У девочек иногда наблюдается желание придать обращению или прозвищу ласково-шуточный характер.

— Ну, как бы мне тебя подразнить? — задумчиво говорит семи-восьмилетняя девочка Оле — одной из подруг, сидящих на скамеечке около дома. И, помолчав минутку, тоном осененного мыслью быстро повторила речитативом небходное: *Оля-боля, Оля-боля...*

Подобных этому (записанному в поселке Боровом), можно было бы привести немало примеров. Так же родилось там прозвище: *Алеша-балеша* и многие другие.

Из того же источника вышла шутка, известная в том же поселке:

Алеша-балеша,
Мать нехороша...

¹ Из записей, сделанных в Тулуно-поселке.

Первоначальное рифмованное прозвище через прибавление новой части (характеристика матери) разрослось в короткое двустипие — *дразнилку*.

Путем приращения позднее добытых и оформленных материалов (характеристика отца) двустипие приняло форму шутки-издевки (см. № 61).

Напрашивается мысль, не приближаемся ли мы путем наблюдения подобных фактов к разрешению (хотя бы частичному) вопроса об образовании или происхождении детских издевок. Мне кажется, что некоторый материал для ответа на вопрос о происхождении этих коротеньких произведений я нахожу в своих дневниках, где описываются случаи рождения издевок. Наблюдения над детским словесным творчеством позволяют допустить, что описанные выше стадии проходит значительная часть законченных в своем построении издевок, связанных с именем собственным или нарицательным: имя — рифмованное прозвище — дразнилка — издевка. Ср. № 24 и 62, 32 и 75, 35 и 72, 73; 41 и 95, 43 и 88.

Этот процесс образования издевок не всегда выливается в ту форму законченной определенности, которая напрашивается при обзоре накапливающихся материалов и в каком виде здесь приводится. В отдельных случаях издевка, как уже указывалось, рождается и внезапно — *exromptu*⁹*. Нередко новые стихотворения получаются путем комбинирования отдельных частей разных текстов, когда старые формы и рифмы перестраиваются в иные, новые связи. Отсюда понятно наличие в издевках реминисценций из произведений книжной словесности, из сказок, песен, народной агиографии (№ 28, 57, 70, 111 и др.). В иных случаях возможно заподозрить заимствования из частушек молодежи (№ 78, 106 и др.)¹.

¹ В связи с этим наблюдением напрашивается предположение: создавая частушки, не пользуется ли в некоторых случаях молодежь запасами образов, оборотов, слов, унаследованными из детского фольклора, в частности из издевок.

Приспособление частушек или даже использование их в качестве издевок — вещь легкообъяснимая. Частушка взрослых тоже нередко носит эпиграмматический характер; она, как некоторые из издевок, злободневна; сходство наблюдается в объеме отдельных произведений, иногда и в метрике. В качестве примера такого использования часту-

Наряду с процессом образования издевки из более простых форм наблюдается и обратный процесс. Уже говорилось, что признаком издевки, отличающим ее от других видов детской сатирической лирики, надо считать хоровое исполнение; в одиночку редко кто (разве какой отщепенец) пользуется издевкой, исполняя ее solo. Обычно, не имея возможности исполнить ее хором, пользуются элементами ходовых издевок: из полного текста стихотворения в случае надобности вынимается кусок и используется в качестве самостоятельного словесного произведения. Обычно таким куском бывает или рифмованное прозвище, или — реже — дразнилка.

Наблюдения показывают, что рифмовка обыкновенно дается почти каждому ребенку; многие могут связать имя с рифмующимся словом в выразительное прозвище; не всякому дано сложное прозвище развить до дразнилки; лишь выдающиеся дети — художники слова в счастливую минуту могут слить вновь найденную вязь слов с материалом ранее известной дразнилки, чтобы получить издевку. Иной раз имеются все необходимые элементы: и рифмованное прозвище, и факты или поводы, к которым можно придаться. Недостаёт только или соответствующего настроения, или выдающегося дарования.

Но достаточно каким-нибудь путем накалиться атмосфере, чтобы сила потребности стала силой творчества, или явиться поэту с ярким дарованием насмешника — и появление издевки обеспечено. Близость нового стихотворения со старым ходячим произведением (прозвищем, дразнилкой) обеспечивают быстрое его запоминание и распространение¹.

шек могу указать текст, помещенный под № 106: в 1919 г. я записал его от девиц в Громах на Ангаре как частушку.

¹ Песенки заучиваются и распространяются детьми, можно сказать, сами собою. В той или иной детской группе выделяется своими наклонностями и способностями какой-нибудь Спирька Ромашихин — «сатиры смелый властелин», который подчиняет своему влиянию всех, кто живет жизнью этой группы; ему подражают, у него перенимают, усваивают его повадки, его язык, его репертуар; все это делается достоянием группы, более или менее значительного числа подражателей, составляющих, так сказать, «школу» Спирьки Ромашихина. Такие группы-«школы» бывают в сборе ежедневно, чуть не ежечасно, особенно малыши. «Нередко, — говорит Молотил о в (с. 92), — можно на-

Старые песни-издевки для детей не теряют прелести новизны. Они отвечают потребности выразить в слове волнующие интересы минуты. Неизменное присутствие в этой короткой песне нужных в известный момент бойких и вызывающих ноток сохраняют ей оттенок свежести только что возникшей песенки... Впрочем, и всякий новый повод использования всем известной песни возвращает ей это свойство. Надоесть эти песни-стихотворения не могут и в силу краткости периода пользования ими каждым детским поколением: едва ребенок успеет овладеть всем запасом сатирических произведений — и уже выходит из детского возраста.

Наблюдатели детского быта хорошо знают, как широко развита *общественная жизнь детей*. Достаточно для примера упомянуть о детских сезонных организациях в виде артелей рыболовов, христославов или об играх, регулируемых «правилами» и «уговорами», дающими в своей совокупности свод неписаных, но всеми строго соблюдаемых «законов». Нормы, которыми определяются взаимные отношения различных групп детского общества, своей сложностью и разработанностью заслуживают право на внимание не только этнографов, но и психологов и юристов.

Казалось бы, что сатирическая лирика детей должна ярко отразить их общественный быт. В действительности же мы этого не наблюдаем. Используемые здесь материалы (как и те, которые можно было привлечь для сопоставлений) показывают, что детская сатира далеко не всегда носит общественный характер. Тематическая изобретательность в области лирики осмеяния, как обнаруживают наблюдения над текстами стихотворений, определяется событиями детской жизни, редко выходящими за круг интересов небольшой группы лиц. Детская сатира сравнительно редко бывает направлена против враждебной группы; обыкновенно она направляется против того или другого

блюдать в деревне такую картину. Кучка ребят 5 — 8 лет, взбравшись, например, на крышу или забор или поместившись где-либо уютно в сеннике или на полянке, хором читают нараспев или поют в унисон» разные песенки. При многократном повторении их они невольно закрепляются в памяти исполнителей и слушателей.

лица. В ней мы имеем дело не с общественной негодующей сатирой, а скорее, если ее характеризовать в общепотребительных терминах и обозначениях, с *эпиграматическими произведениями*, основной чертой которых является грубое балагурство, входящее в детское словесное творчество существенным элементом, нередко переходящее границы простой забавы. С этой особенностью детской сатирической лирики в известной связи находится выбор затрагиваемых тем и разрабатываемых мотивов.

Кажется, больше всего вызывает к себе детское внимание *внешний* облик людей (№ 36, 42, 81, 87 и др.) и бросающиеся в глаза перемены в нем (№ 49, 53 и др.).

Не остаются незамеченными люди другой национальности — отчасти за внешность, отчасти за название; более других известны: немец, поляк, еврей, татарин, цыган, бурят (№ 43, 88, 44, 41, 42, 95, 110, 89, 40); здесь же позволительно назвать хохла (№ 104), поселенца (№ 99). Пользуются вниманием действительные или приписываемые какие-либо физические уродства: хромота (№ 24, 46, 102 и проч.), близорукость, слепота (№ 45 и др.), косоглазие (№ 63, 66, 91, 103) и проч., редко — внутренние качества (№ 34).

Отмечаются публичным посрамлением порицаемые детским общественным мнением поступки — воровство, кляузы (№ 37, 54, 92). В некоторых случаях не остаются без осуждения или осмеяния мода (№ 47), нечистоплотность (№ 48)¹. Не остаются без внимания симпатия (№ 58, 108 и др.), неудачное ухаживание (№ 107 — вариант и др.), обжорство (№ 35, 72, 88), побои и наказания (№ 83 и др.), неожиданные превращения (№ 85, 86, 109). Господствующий мотив — беспомощность (№ 65, 97, 104, 105, 107, 109, 111, 112).

¹ Может быть, не будет лишней пометка, что сатирическая лирика не может рассматриваться как непосредственное «отражение» детской среды, ее быта и т. д. Надо знать, что издевательничек ничего не пожалеет для *едкого* словца. Если насмешка «вшивый барин» (№ 48) зачастую имеет за собою фактическое основание, то «вошь на пузе» (№ 24), например, — обычно только прозвище, которое можно пристегнуть к любому Кузе, а не констатирование действительного факта. Единственный повод у издевательщика — желание сказать что-нибудь «задирающее» и единственное основание — возможность удачной рифмовки.

В своем месте было сказано, что в словесных состязаниях только наиболее одаренные («мастера»), и то не в каждой схватке, создают новые произведения; обычно же пользуются готовыми *формулами осмеяния* — распространенными текстами издевок, в которых, смотря по надобности, делается соответствующая замена слов или фраз; отсюда понятно, почему стихотворения-издевки имеют нескончаемое число вариантов. Творчество художника-ребенка находит свое проявление в выборе и приспособлении готовой формулы к тому или другому определенному случаю: комбинирование получаемых из разных источников материалов, соблюдение ритма, размера и т. д.

Темы детского издевочно-песенного творчества меняются и множатся крайне медленно, потому и количественное богатство ходячих формул осмеяния не находится в соответствии с тематическим богатством.

Разрешая задачи приведения к известному единству всех входящих в то или иное стихотворение элементов, составители используют в качестве стержня для своих построений рифмованные прозвища, за которые цепляются обозначения признаков, действий и состояний — действительных или приписываемых осмеиваемому лицу.

В результате имеем:

1. Утверждение, навязывание человеку или группе чем-либо связанных лиц определенных («отрицательных») признаков и действий — обычно с настойчивым их перечислением. Ср., например, № 56, 57, 62, 65, 77, 79; а также: 67 — 69, 71, 72, 80, 83 и мн. др.

2. Или — редко — отрицание «положительных» признаков и действий: № 76 и др.

3. Или же, рядом с отрицанием одних, приписывание других признаков или действий: № 61, 63 и др.

В других случаях разрешению композиционных задач служит использование диалога. Диалог обыкновенно начинается с обращения, за которым следует 1. вопрос, часто сопровождаемый ответом: № 87, 95, 98; 2. просьба: № 49, 53, 55, 76; 3. совет (предостережение): № 66, 78, 96, или 4. предложение: № 46, 60, 74, иногда с обещанием за исполнение: № 46.

В подавляющем числе случаев обращения направлены

к лицу, служащему предметом назойливого внимания; иногда — редко — встречаются обращения от лица высмеиваемого: № 111, 113.

Желаемый эффект в издевках достигается различными приемами; отметим наиболее характерные.

Логические ударения на последнем слове в стихе и отнесение смысловых доминант предложений — глагольных форм — к концу «стихов»¹ задерживают внимание, заставляют ощущать каждый новый момент и направляют воображение слушателей все в одну сторону. Резко и стремительно набрасывается мазок за мазком — и создается образ. Ср., например, № 97, 110, 111, особенно 112. Благодаря обилию подробностей от перечисления действий создается впечатление реальности самого образа.

В отдельных случаях комический эффект достигается внесением элемента несоответствия ожидаемого с наблюдаемым (причем комизм положения наблюдается гораздо чаще, чем комизм речи): вместо съеденного медведя в экскрементах оказывается волк или гусь: № 85, 86, или вместо съеденной редьки — Федька: № 106; см. также № 82.

Известны приемы каламбурного осмысливания имен (выведение из одного корня слов, этимологически неродственных); например, Витька — ветер (через Витя — витирок), Яшка — якут (через Яков или Якушка), Колька — калека, Петька — петух, Женька — женуся.

Видное место занимают различные проявления субъективности отношения к вещам и лицам, вовлекаемым в круг объектов осмеяния, сказывающейся в преднамеренном и настойчивом умалении, поругании, в широком применении уменьшительных форм в качестве уничижительных.

Во многих случаях ироническая форма имен и прозвищ обостряется путем привлечения эпитетов и сравнений.

Эпитеты объективные наблюдаются в немногих случаях; они обычны: косо́й заяц (№ 103), се́ра утка (№ 78) и т. п.

В значительном количестве встречаются *эпитеты субъек-*

¹ См. примеч. 2. С. 676.

ективные. Численное преобладание их нужно отнести к особенностям детского восприятия окружающего. Ребятам чуждо распознавание сущности вещей и явлений. Поэтому напрасно мы стали бы искать в детском фольклоре словесные выражения, в которых была бы схвачена та или иная внутренняя сторона, какое-либо внутреннее свойство наблюдаемого; обычно эпитеты фиксируют внешние признаки предметов и явлений. Отсюда преобладание эпитетов, вызванных настроением: барин вшивый — № 48, черти косые — № 103, бес косой — № 91, Иван болван — № 67 и др.

Большая часть эпитетов — приложения, которым можно присвоить название *эпитетов-прозвищ*.

Шурка — макака, Петька — петух, Мишка — медведь и др.; встречаются *составные эпитеты-прозвища*, напр., Анна-банна — вшивый бок, Шурка-бурка — длинный нос и др.

Поиски меткого и увесистого эпитета приводят нередко к созданию эпитетов, созвучных с определяемыми словами. Примеры: Аркашка-таракашка, Архип — старый гриб, Андрей-воробей, Петро — погано ведро, Нютка — сера утка, коза-стрекоза — вылуплены глаза, Сонька-сова — весела голова, Шурка-воровка — красна головка и мн. др.

Сложные *эпитеты* в языке детей наблюдаются крайне редко и, сколько могу судить по личным наблюдениям, встречаются преимущественно в обыденной речи; в имеющихся в моем распоряжении записях нахожу только один-два примера; вот наиболее удачные: бойкую, острую на язык девочку называли Грункой «скоропёрдой» (Тулун); напомним слово: «скопсдырь»; приведу прилагательное: Матрена «махнанога» (в песенке).

Видимо, детский язык обнаруживает бессилие при попытках передать различные оттенки понятий с помощью эпитетов. Не имея в своем распоряжении сложных слов, дети принуждены пользоваться *сравнениями*. Сравнения детской сатиры стоят в ближайшей связи с миром, окружающим творцов и исполнителей издевок: объектами сравнений являются предметы, находящиеся у детей всегда перед глазами.

В отношении выражения одни сравнения представляют собою обстоятельства в творительном падеже: голова сучком, нос крючком (№ 102), слюни или сопля тянутся вожжой и т. п.; другая группа сравнений передается при помощи слова как: как клубок, как бодог (№ 56), как плети.

Гиперболизм свойствен сатире едва ли не более, чем другим видам детского словесного творчества. Гиперболы здесь по временам слишком неестественны, громоздки. Немец — такой обжора, что за один прием съедает почти целую корову (№ 43), или даже корову с быком, или семь сотен поросят (№ 88); борода у Алешина отца — с аршин (№ 61); у Сани нос так велик, что на нем можно уместиться для завтрака (№ 81) и т. п. Разновидность гиперболы, именуемая *литотесом*^{10*}, встречается реже; в «Материалах» имеем: отец — с кувшин (№ 61), бабушка и девка так невелики, что умещаются в кармане (№ 98, 110).

Из средств поэтического языка, используемых в детской сатире, можно также отметить *повторения* (№ 70, 74, 81, 108).

Дети-стихотворцы и исполнители соотносятся с законами ритма и меры, подсказанными непосредственным чутьем. Это, однако, не устраняет того факта, что во многих стихотворениях допускаются «ухабы» или перебои, т. е. вольности, нарушающие ритм и размер (№ 51, 68, 73, 77, 89, 112).

Нарушения ритма словесных произведений ощущаются и сознаются *при чтении*. Чутко относясь к «складу» стихотворной речи, предназначенной для произнесения, например в считалках, в произведениях хоровой поэзии дети не всегда замечают нарушения, так как стихотворения-издевки создаются при пении и предназначаются для хорового исполнения. В пении «ухабы» или перебои прикрываются удлинением или — лучше сказать — протяжением отдельных гласных, затем — фонетической деформацией слов; перемещением ударений (№ 69, 84, 104, 105 и др.) и использованием наличных акцентных дублетов (№ 64, 85, 89, 98, 101 и др.). В отдельных случаях в тех же целях пользуются вставками частицы *то* (№ 82) и

слов, не заключающих в себе никакого определенного содержания: боля, болеша, моля, лепа и др. (№ 35, 61, 72). Трудно сказать, являются ли эти слова порождением бессилия уловить наиболее существенные признаки или, при умении уловить их, вследствие неумения оформить их в слове. В отдельных случаях имеем дело, возможно, с словами, смысл которых утрачен. Выяснение их образования и функций должно вылиться в самостоятельную задачу¹.

Вслушиваясь в детские стихотворения, редко улавливаешь такие, с которыми связывалось бы представление о «кованости стиха» или приближении к нему; впрочем, некоторые стихотворения способны привлечь к себе внимание именно этой своей стороной (№ 70, 78, 85, 86 и некоторые др.).

В детском стихотворчестве наблюдается ясно выраженная тенденция (объясняемая господством *ямбических* и *хореических* размеров) избегать как малосложных, так и слишком многосложных стихов². Слоговая устойчивость несомненна. Число слогов в стихах одного текста обыкновенно колеблется в пределах от 3 до 5 (№ 71, 106), от 4 — 5 до 7 (№ 63, 65, 67, 74, 80, 83, 100), от 6 до 8 (№ 72, 108); отклонения сравнительно редки; преобладают стихи четырехсложные и шестисложные; с меньшим упорством держатся семисложные стихи; полиметры, в виде стихов восьмисложных, не часты. Встречаются стихотворения с одинаковым количеством слогов (и ударений) в каждом стихе (№ 56, 70, 79, 85, 86, 87, 103, 110). В отдельных случаях встречаются парами трехсложные и четырехсложные стихи (напр., № 91), семисложные и восьмисложные (№ 81) или правильно чередуются четырехсложные и шестисложные (№ 67), восьми- и семисложные (№ 78).

¹ Некоторые наблюдения в этой области сделаны Р. Якобсоном в брошюре «Новейшая русская поэзия» (Прага, 1921): см. с. 41 — 42, 55, 58 — 59.

² Издевки — произведения *устного* творчества, поэтому говорить здесь о «строках» едва ли правильно; я пользуюсь словом «стих», имея в виду ощущаемый исполнителями и слушателями ритмический ряд, часто отграниченный от других рядов рифмой.

В значительной части стихотворений-издевок каждый стих несет на себе два (№ 62, 65, 67 и др.) или четыре ударения (№ 70, 72, 78).

В издевках преобладают хореические и ямбические размеры. Достаточно упомянуть, что в помещаемых ниже «Материалах» подавляющее количество хореических двустихий; в меньшем количестве наблюдаются двустихия ямбические (№ 28, 44, 46); некоторые четверостишия и шестистишия (№ 70, 78, 106, 108 и др.) представляют типичную частушку с ее обычным строем и метром — хореем. Большая часть хореических четверостиший отличается от частушки меньшим числом ударений в каждом стихе.

Преобладание хореических и ямбических размеров не случайно: видимо, ямбохореическая артикуляция наиболее свойственна детям. Использование главным образом этих двух размеров отражается на музыкальной стороне стихотворений-издевок, внося некоторое разнообразие в исполнение. Мелодия издевок — сказать попутно — очень не сложна: она в общем та же, что в известных детских песенках, обращенных к дождю или коршуну¹. И в исполнении их каких-либо забот о достижении художественной выразительности не наблюдается. Монотонность и однообразие мелодии как нельзя более согласуется с основной функцией издевки. В зависимости от использования хорей или ямба меняется мелодия: хореический размер дает ей окраску живости, задора; ямбическое построение несколько замедляет темп.

В размерах детских стихотворений часты перебои, так как доминирующие метры (ямб и хорей) свободно допускают многообразные замены и смены одной стопы стопой другого порядка; внесение так называемых малых цезур заметно меняет ритм. Ямбическая и хореическая формы являются господствующими, но они часто нарушаются внесением других метров, образованных стопами, расположенными в произвольной последовательности. Достаточно вслушаться в первые приводимые здесь четверостишия, чтобы уловить присутствие амфибрахия, дактиля,

¹ См. мой «Детский народный календарь», нотное приложение // Сибирская живая старина. 1924. Вып. 2.

пэона, анапеста и проч. Во многих случаях деление на стопы и различие определенных размеров неприменимо: в этой части произведений детской лирики мы встречаемся с существенными особенностями так называемого народного стиха.

Среди издевок встречается большое количество с одними мужскими рифмами (№ 55, 56, 60, 63, 64, 67 и мн. др.); есть и с одними женскими окончаниями (№ 65, 74, 85, 86 и проч.); обыкновенно же наблюдаются эти стихотворения на два ряда окончаний — на мужское и женское (№ 61, 62, 70, 71, 81, 82, 84 и др.); чередование мужских и женских рифм в одних случаях правильное (№ 78, 79, 105, 106), в иных (№ 101, 102, 104, 108) — неправильное.

Редко встречается рифма дактилическая (№ 57, 112) и другие.

В преобладающих рифмических периодах, т. е. в четверостишиях, сколько можно судить по приводимому здесь материалу, совершенно отсутствуют рифмы так называемые перекрестные (выражаемые схемой abab) и охватные, или опоясанные (abba); зато большим количеством представлены рифмы парные, или смежные, обозначаемые схемой aabb (№ 61 — 65, 70, 71, 74, 81, 84 и мн. др.). Нередки рифмические периоды с прерванной рифмой, т. е. четверостишия с нерифмующими нечетными стихами — типа abcb (№ 78, 83 и др.), к которым можно отнести и стихотворения с нерифмующими четными стихами (схема: abac; № 78). В некоторых четверостишиях рифмуют или первые два, или последние два стиха, укладываясь в схемы: aabc (№ 66) и abcc (№ 72, 82, 88).

Трехстишия обыкновенно построены на одной рифме и срифмованы по таким схемам: aaa (№ 56, 58, 60), aab (№ 57), abb (№ 55).

Рифмические периоды в пять стихов строятся на двух рифмах — по типу: aaabb (№ 95) или aabbb (№ 97); встречаются с симметричным расположением рифм — по типу: aabcc (№ 96, 98), как и пятистишия, схема которых может быть обозначена как aabcb (№ 99) и др.

Рифмические периоды в шесть стихов построены на трех рифмах, обычно укладываясь в схему aabbcc

(№ 105 — 110); восьмистишия — на четырех рифмах, согласуясь со схемой aabbccdd (№ 112, 113). Встречаются и белые стихи (№ 111, 114 — начало), но они — явление очень редкое.

В некоторых детских стихотворениях мы имеем дело с приближением к так называемой точной рифме. Например, в хореическом трехстишии № 56, при одинаковом числе слогов в рифмующих между собою стихах, наблюдается: 1. почти не нарушенное тождество стиховых окончаний — одинаково звучащие слоги; 2. тождество ударных гласных — везде *о*; 3. тождество заударных гласных — *ы*; 4. одинаковое расположение согласных *б (д)* — *к*.

То же дает четверостишие № 62, где неравномерный по слоговому составу словесный материал посредством рифмы организуется в пару двустий. В первом, как и во втором, сочетании имеем тождество стиховых окончаний: 1. *а(я)нна*, 2. *стой*; тождество ударных гласных: 1. *а (я)*; 2. *о*; тождество заударных гласных: 1. *а*; 2. *й*; тождество (во второй паре) и одинаковое расположение согласных: 1. *б(в) — нн*, 2. *ст*¹. Таких стихотворений можно привести немало (№ 65, 74, 80, 85, 109 и др.).

Нередки рифмы, получающиеся при тождестве ударных гласных и при различных согласных (см. № 70, 82, 86, 95 — вторые двустийшия) и др.; встречаются рифмы неравносложные и неравноударные (см. № 67: *крива — пролила*, № 68, 89, 102).

Наряду с звучными, четкими рифмами наблюдаются так называемые неточные рифмы, созвучия неопределенные, едва уловимые, звучащие в пении (№ 26, 35, 40, 43 и др.). Часто созвучие достигается повторением слов: *спала — проспала*, *снес — отнес*, *пошла — нашла* и др. (№ 59, 100, 106 и др.); это, собственно, не рифмы, а словарные совпадения.

Кроме рифм-концовок, в издевках следует отметить рифмы строчные, т. е. созвучия, получающиеся рифмованием отдельных слов в разных местах внутри стиха (№ 56, 61, 62, 71, 77, 78, 96, 112 и др.). Близки к ним созвучия (которые можно было бы назвать *корневыми рифмами*), образуемые словами одного корня, распо-

¹ Ср.: *Жирмунский В.* Рифма, ее история и теория. СПб., 1923. С. 13.

ложенными внутри стиха; например: Васька-васенок (№ 97 и др.), вор-воришка (№ 92 и др.) и т. п.

Замечаются начальные рифмы, образуемые рифмованием слов в начале стихов; например, № 67: ко-локо(льни) — молоко, № 84: шишки — штанишки, № 98: голос(ом) — волос(а).

Любование звуками слов далеко не чуждо детям — художникам слова. Безотчетно, по чутью, прибегают они к некоторым приемам звукописи.

Из приемов звукописи наблюдается:

1. Использование междометий-звукоподражаний: № 82, 90, 105, 139 и др.; 2. игра чередующимися сочетаниями звуков: № 54, 66, 79, 84, 106, 108, 112 и т. п.; 3. подчеркивание внутреннего содержания и смысла стихотворения путем выбора слов с повторяющимися звуками: мерное произнесение созвучных слов с доминирующими и повторяющимися в них глухими согласными *ш*, *п*, *к* удачно передает звуковой образ шепота и является подражанием шумам и звукам, особенно хорошо знакомым матерям и нянькам (№ 139). Настойчивое следование за беззвучными *б* и *ф* — через перемежающиеся сочетания звуков другого порядка — «скорого, взрывного» (по Бальмонту)^{11*} *р* дает некоторое напоминание треска и хруста сосновых шишек под ногами и намекает на звуки непроизвольного громкого газоиспускания (№ 84)¹.

Другой вид детской лирики осмеяния, обозначаемый Арефьевым как «шутки, по большей части обидные для собеседника»², а Станиславским как «присловья»³, зарождается и бытует в иной обстановке и при иных условиях.

У произведений, принадлежащих к этому виду, «свои законы и формы, вызванные органической необходимостью, по которым они и должны быть судимы»⁴.

¹ Выражение «рвать штаны» часто используется в качестве условного обозначения непроизвольного громкого газоиспускания, так же как, например, фраза «татарину долг отдавать» — в значении глагола испражняться.

² Арефьев В. С. Образцы народной словесности // Известия Вост.-Сиб. Отд. РГО. 1901. Т. 32. № 1 — 2. С. 92.

³ Станиславский А. Н. Записки // Труды Вост.-Сиб. Отд. РГО. 1912. Т. 7. С. 170.

⁴ Кузмин М. Условности. П., 1923. С. 173.

Чтобы показать условия, в которых применяются эти «шутки», или поддевки, привожу некоторые из записей своих наблюдений.

Лето. Праздничный день. Ребят на улице еще мало, чтобы можно было затеять какую-нибудь игру. Два-три мальчугана сидят «в холодке» (за тенью). Разговор не клеится, да и какой разговор при ежедневных многочисленных встречах с одними и теми же лицами. Молчат, придумывают, чем бы заполнить время. Молчание наконец надоедает.

— Фетьця, скажи: поп.

— А чё?

— Ну, скажи: поп.

— Поп.

— Твой отец — клоп!

В таких случаях обижаются редко. Здесь не так обидна вдруг ударившая фраза, как неприятен самый факт оказаться поддетым. Нужно выждать подходящий момент и ответить тем же.

Таким образом поддеть можно только неопытных, малообщительных ребят. Общительные и живые ребята обыкновенно быстро запоминают ходячие поддевульки и могут поддаться только на что-нибудь неожиданное и новое.

— Проньча, сто да сто сколько?

— Двести.

— Сиди, дурак, на мести!..

Некоторые поддевки этого типа связаны с действиями. Один мальчуган схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

— Дуб ли вяз?

— Дуб...

— Тяни до губ!.. — ликует поддевщик и тянет нос книзу.

Третий товарищ неожиданно хватает его за нос и вопрошает:

— Дуб ли вяз?

— Вяз...

— Тяни до глаз!.. — и тянет чужой нос кверху.

Увидят из окна товарищей в холодке, едва допив «быком» чай, бегут к ним другие, присоединяются, принимают участие в начатой забаве... Забава эта быстро

придается, так как при большом числе участников состязания запас старых поддевулек оказывается довольно ограниченным, а новые множатся медленно. Ребята в сборе — начинается какая-нибудь подвижная игра.

Утомившись, одни расходятся по домам; другим уходить не хочется... Сидят, молчат. И опять:

— Витька, у тебя под ногам-то мох! — вдруг кто-нибудь прервет молчание.

Витька машинально смотрит себе под ноги, а ему говорят:

— Не кланься, я не бох...

Или:

— Сенька! под ногам-то грязь...

Сенька невольно наклонит голову, чтобы посмотреть под ноги, и слышит:

— Не кланься, я тебе не князь...

И снова молчат. Ребят мало, игра не налаживается. Молчание быстро надоедает.

— Алешка, скажи: Лизавета.

— Лизавета.

— Вот тебе за ета!

И следует удар в спину.

Интереснее и живее протекают такого рода забавы, когда в них принимают участие ребята, сходящиеся не «сто раз на день», а встречающиеся изредка, время от времени.

Лучшая обстановка для таких сходбищ — пастьба скота или во время страды у костра вечерами, когда «большие» остаются на полосе заканчивать дневную работу, а ребят шлют «чай варить», т. е. готовить ужин.

На заимке нередко две-три-четыре семьи. Из каждой бегут ребята чай варить. Иной раз тут же случаются ребята с ближайших соседних заимок. Собирается довольно большое общество парнишек и девчонок, которые в страдное время встречаются лишь урывками.

У огонька вечером, пока готовится ужин, варится картошка, никакой длительной подвижной игры не затеешь: время заполняется спрусами, пересудами, шутками, насмешками, рассказами.

Вдруг кто-нибудь всерьез или шутя заподозрит рассказчика во лжи.

— Врешь!
— Раскуси (или: выкуси) пердеж,
в нем ядрышко найдешь,
его съешь, —

«отмочит» в ответ находчивый поддевала.

Бывает, что или сам поддетый собеседник, или кто-нибудь из товарищей заступится, но найдутся и такие, кто «одернет»:

— Тебе какое дело?

И тут начинается словесное состязание.

— Тебе кошка в рот нап...ла!

— Мне хоть кошка,

да немножко,

тебе кот,

да полон рот...

В исполнении такого рода диалогов характерной чертой является быстрый обмен речью; при этом каждый компонент обмена служит репликой, вызывая встречный рифмованный стих — один или несколько.

Трудно найти удачнее в этом отношении пример поддевок, чем тот, который связан рифмой с названием последнего весеннего месяца.

— Скажи: май.

— Май.

— Я п...ну, а ты поймай (или: имай)...

— А я буду ловить

да тебя кормить...

— А что останется,

тебе по губам растянется...

— Я это наоборот —

да все тебе в рот...

— А я все на вилочку —

да тебе в дырочку...

— Я все на рогожицу —

да прямо тебе в рожицу!..

См. также № 130.

Чтобы как-нибудь кончить эту череду угроз и обещаний, кто-нибудь из участников состязания или — редко — из свидетелей его скажет:

— Печать!.. И больше не кричать!..

Иная детская группа выдается бесцветная, не выделяет заметных мастеров слова; и тогда она пробавляется старым, унаследованным общеизвестным запасом или, в лучшем случае, прибавляет некоторые новые рифмы или делает вставки... Зато встречается и такой подбор ребят, что из дюжины их выберется два-три недюжинных «таланта»-словесника, обнаруживающихся при словесных состязаниях — в издевках и в поддевках. Хотел бы назвать здесь художника Спирьку Ромашихина (ныне крестьянина в с. Худоелани Тулунского уезда Спиридона Романовича Родионова), способностям которого и теперь его сверстники — люди, перешагнувшие за второй десяток лет — отдают дань удивления, вспоминая сравнительно недавнее детство (1908 — 1912).

Ленка Ширяев, живой бойкий одиннадцатилетний мальчуган, слывет в Тулунском поселке большим мастером давать прозвища; ему молва приписывает сочинение двустийши-дразнилок, приводимых здесь под № 29 и 39; он же снабдил приведенным раньше эпитетом имя своей сестры Груни, которая нередко служит мишенью для стрел его остроумия.

— У тебя, Груня, чирий? — заботливо спрашивает брат.

— Ага...

— Я тебе его заговорю, ладно?

Он обводит пальцем вокруг больного места и серьезно произносит:

Чирий, чирий,
сядь пошире:
где один,
дак там четыре...

В Куйтуне, Тулунского уезда, мне пришлось в 1921 году наблюдать десятилетних Гутю Сизых и Лизу Лыткину (от которых, между прочим, записаны № 78, 91, 105 и некоторые другие). В беседе со мною они уверяли меня, что сложение издевки «про Миронова парнишка Кешку» (№ 74) принадлежит им. Эти бойкие девочки очень остры на язык и в поддевках.

Следить за ходом словесного побоища, в котором принимают участие такие ребята, для фольклориста поучительно. Интересно наблюдать состязающихся ребят, кото-

рых взрослые по разным поводам характеризуют словами: «один — задириха, другой — неспустиха», когда у них равны прочие условия: опыт, находчивость, одаренность...

В этих состязаниях иногда мы, несомненно, имеем дело с переживанием того, что в отношении признанных поэтов обозначается словом *вдохновение*, которое у ребят приходит не в «широкошумной дубраве», а на толпе, присутствие которой возбуждает, собирает и концентрирует силы. При словесных состязаниях, где нужна живость, находчивость, умение ловко вывернуться и вовремя сделать удачное нападение, — тут действительно «сила потребности есть сила творчества».

В то время как издевки исполняются почти всегда толпой — эта группа словесных произведений предполагает наличие двух действующих лиц. Издевки — хоровая поэзия; поддевульки — произносятся «говорком». Вопросыответная форма построения издевки встречается как исключение; отличительный признак поддевульки — диалогическая форма. Назначение издевки допускает значительный объем текста; поддевулька должна быть четкой, лапидарной. Сцепление их может быть почти беспредельным (потому-то и существует — мы видели — искусственный прием прекращения словесного бега), но каждое звено должно быть легким и кратким.

Для обозначения такого рода произведений у детей, кажется, нет общеупотребительного названия. Изредка пользуются словом *поддевулька* или *поддеулька*. Это слово удачно передает их основной характер, указывает назначение. Наряду с этим словом не только у взрослых, но — хоть редко и не повсеместно — и у ребят, существует другое — *поддевка* (от «поддеть», поймать на слове). В нем резче, короче, энергичнее схвачена сущность этих слитков крепкого остроумия и цель и характер их применения. Поэтому словом *поддевка* позволительно обозначить разновидность детской лирики осмеяния, о которой сейчас идет речь.

В пределах этой разновидности необходимо различать несколько групп.

Одни поддевки сложены в форме краткого *искусственного диалога*, где нужно *ожидать* возможности быть подде-

тым (кроме вышеприведенных примеров, см. № 115 — 130); их — большая часть.

Поддевка формы искусственного диалога строится по несложной схеме. Первая часть этой композиционной схемы — *завязка*, или *приступ*; вторая — *собственно поддевка*. Связью между ними служит *общее* для двух сторон *слово* (подсказанное одной и повторенное другой), за которое рифмой держится поддевка.

В других поддевках, отливающихся в форму *естественного диалога*, человек ловится на слове совершенно неожиданно для себя. Отличие в построении этой формы поддевок состоит в том, что здесь отсутствует *общее слово*. Первая часть, которую можно назвать *зацепкой*, или *придиркой*, являясь «речевой акцией», вызывает соответствующую «реакцию» — *собственно поддевку*, т. е. вторую композиционную часть. Обе части скрепляются рифмой (см., кроме приведенных в тексте, № 131 — 135, 139 — 140 в «Материалах»).

Своим построением напрашивается на обособление небольшая группа *поддевок-заманок*, представляющих собою сравнительно развитый диалог, в котором одно лицо направляет разговор, другому остается пассивная роль повторяющего условленную фразу или слово.

Инициативная сторона предлагает:

— Говори за мной: «я тоже».

— А чо?

— Вот говори — и узнашь.

— Ладно.

— Я пойду в лес.

— И я тоже.

— Я вырублю корыто.

— И я тоже.

— Я в это корыто на...ру.

— И я тоже.

— Свины будут есть.

—

Диалог ведется очень быстро, и редкий вовремя останавливается; обыкновенно спохватываются только после того, как «само вылетит» ненужное «и я тоже».

См. также № 136 — 138.

В некоторых поддевках-заманках диалогическая форма выражена только участием в разговоре двух лиц, причем одно из них может не проронить ни слова. В них «реакция», вызванная «речевой акцией», обыкновенно обнаруживается не в речи, а в не выраженных словами эмоциях. В диалогах этой группы еще отчетливее выражены две части: первая — *заманка*, вторая — *поддевка*. Пример:

— Рассказать тебе сон?

— Расскажи...

— Я видал во сне,
быдто я — в дрисне,
а ты в меду...

Здесь заманка кончается своеобразной фигурой умолчания, имеющей назначение сначала усилить или закрепить первоначальную ответную «реакцию» (довольство своим положением «в меду»), чтоб затем совершенно неожиданно «поддеть»:

Я лижу с тебя мед,
а ты с меня — дрисню...

Сюда же относятся случаи, когда заманка, как композиционная часть поддевки, не имеет определенной словесной формы, а скрыта в действии.

Когда, например, ребята ложатся спать, кто-нибудь из них «с заранее обдуманым намерением» предлагает распределить известным образом места на общей постели. Полученное согласие почти всегда обеспечивает успех поддевалы: когда все улягутся, он, дав немного утомиться, выразительно произносит:

Я у стенки —
в золотой пенке,
Мишка на краю —
у бога в раю,
Кенка в середке —
в говенной веревке...¹

¹ Вариант см. под № 141.

Кенка, если он — парнишка находчивый, быстро перестраивает текст поддевки и отвечает:

Ты у стенки —
в говенной пенке,
я в середке —
в золотой веревке, —

а Мишку оставляет на прежнем месте.

Есть ответы на поддевки (используемые и в качестве ответов на издевки), которые органически не связаны с тем или иным определенным стихотворением, имеющим значение «речевой акции»; они известны в незначительном числе формул (№ 20, 21).

Также мало формул для специального выражения торжества победителей. Свою радость удачник-поддевала выражает в двустишии:

Амманули дурака
на четыре кулака...

Иногда эта формула разрастается в четверостишие — путем прибавления еще двух стихов:

на пять костров^{12*}
подовинных дров¹.

Случается, что обмен рифмованными стихами переходит обычные границы словесной перепалки: одна сторона, испытав бессилие слов, приступает к действию, а другая продолжает поддерживать диалог. Если пущенный камень или палка не долетит, «словесники» отмечают:

Не добросил,
свою мать забросил...

¹ Эти «пять костров подовинных дров» фигурируют и в потешках, записанных мною в Тулунском уезде. Вариант-шестистишие, приводимое Шейном (т. 1, с. 35, № 198), тоже образован слитием приводимого здесь и всюду известного двустишия с стихотворным заговором, произносимым в предупреждение появления ячменя. Ср.: Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 344. Этот заговор сообщается детям, как только они смогут удержать в памяти небольшой и удобный для запоминания (вследствие стихотворной формы) текст. Вариант-четверостишие, сообщаемое Молотилковым (с. 93), начинается тем же общераспространенным двустишием.

Если камень или палка пролетит мимо, они констатируют:

Не попал,
свою мать закопал...

Иные прибавляют:

ни в гроб, ни в могилу —
в сабаччу кабылу...

В отношении формы стиха поддевки в большей их части являют собою разновидность детской поэтической речи, которую можно приравнять к так называемому *складу раешников*, характеризующемуся главным образом тем, что неметризованная речь делится на стихи произвольной величины, кончающиеся рифмами.

Исследования по теории техники детского словесного творчества вообще и в частности в пределах рассматриваемых сейчас видов могут плодотворно вестись, опираясь на большое количество материалов. Этим исследованиям должны предшествовать подготовительные работы. Одной из таких работ автор склонен считать настоящую статью, включающую попутные наблюдения над поэтикой небольшой группы произведений детского фольклора. Попутные наблюдения (и притом произведенные на количественно незначительном материале) неизбежно поверхностны и не полны. Тем не менее я счел себя вправе поделиться ими — потому, что на детское творчество в слове с этой стороны до сих пор, можно сказать, не обращено внимания, и з а т е м, чтобы вопросы поэтики детского фольклора считать затронутыми хотя бы мимоходом.

Излагаемая в этой статье попытка ввести некоторое упорядочение в затрагиваемые материалы, вопросы и темы, конечно, не может считаться совершенной, бесспорной. Вводимые здесь подразделения и связанные с ними названия и обозначения являются в значительной степени условными и только служебными, прилагаемыми лишь в целях достижения большей ясности в определении состава детского фольклора и отчетливости в характеристике отдельных его частей.

Введение новой классификации и новых терминов допустимо только в исключительных случаях. Едва ли будет несправедливо утверждение, что в таком именно положении оказывается народнословесник и этнограф, остающийся свое внимание на русском детском фольклоре. В этой области мы не располагаем какой-нибудь определенной классификацией материалов, не имеем и устоявшейся терминологической традиции.

Надо думать, что вводимыми рубриками не охватывается все разнообразие детских произведений, названных здесь издевками и поддевками. Об этом можно будет говорить определеннее, когда будет накоплен больший материал, чем тот, который до сих пор поступил в научный оборот.

II. МАТЕРИАЛЫ

Для детского фольклора, в частности для тех его видов, совокупность которых мы называли детской сатирической лирикой, мы не обладаем сводом, который представлял бы собою объединение опубликованных в разное время и в разных изданиях отдельных записей и являлся бы необходимым итогом накоплений интересующего нас материала.

Но и до того момента, когда будет выполнена эта очередная задача фольклористов, можно сказать, не боясь преувеличений, что имеющиеся в этнографической литературе записи по затронутой нами теме не свидетельствуют об особенно больших накоплениях. Поэтому всякая удовлетворительная запись произведений детского словесного творчества должна рассматриваться как далеко не лишний и не бесполезный вклад в большую очередную работу. Пополнение фонда будущего свода материалов по русскому детскому фольклору является скромной задачей опубликования печатаемых здесь записей.

Они сделаны попутно в продолжение последних трех лет при полевых этнографических работах в пределах Тулунского уезда Иркутской губернии.

Основой записей послужили личные детские воспоминания, затем — непосредственные наблюдения над жизнью

детей. Позволю себе к слову сказать, что за четверть столетия, которая меня отделяет от времени непосредственного участия в детских играх и забавах, *в области детского словесного творчества* бросающихся в глаза изменений — в сторону ли большего накопления нового, в сторону ли утрат старого — не произошло¹. В том же меня убеждают наблюдения лиц, поделившихся со мною своими записями.

Из Тулунского уезда я имею, кроме своих, материалы С. Ф. Гушиной (Тулун-посёлок) и А. М. Молоцовой (с. Перфилово и Шарагул). Небольшой материал, относящийся к Урульге (в Забайкалье), получен мною от П. И. Титовой. Записи из Киренского уезда (дер. Банщикова) переданы мне М. П. Дмитриевой и Ф. М. Мишариной. Досуг, обеспеченный мне летом 1924 года, дал мне возможность пополнить мои материалы наблюдениями в Акмолинской области (Боровое), где мои сборы были облегчены помощью А. Ф. Николаевой и С. Н. Маркова. Записи из Ново-Николаевска и некоторые иркутские переданы мне Б. В. Шевяковым, из Омска — В. Н. Самойлович.

Записи моих сотрудников, при сличении их с моими материалами и некоторыми данными этнографической литературы (имею в виду для Зауралья — Шейна, для Сибири — Молотилова), обнаруживают факт широкой распространенности приводимых здесь текстов, а сделанные мною опросы нескольких стариков показывают, что многие из печатаемых сейчас произведений² входили в детский репертуар в середине прошлого столетия.

При текстах не везде указывается, в каком месте, и совсем не отмечается, от кого именно сделана запись, — в силу того, во-первых, что тексты, как уже сказано, являются весьма распространенными и записаны во

¹ Мне лично и моим сотрудникам нигде не приходилось слышать некоторые из приводимых в «Материалах» издевок (№ 73 — второй текст, 82, 98 и некоторые другие); мною они записаны (в Шабарте) со слов людей, запомнивших их с середины прошлого столетия. Возможно, что эти старые тексты могут считаться уже утраченными, выпавшими из современного детского фольклора. Но для каких-либо утверждений указанных фактов, конечно, недостаточно.

² В Шабарте, например, в детский репертуар того времени входили № 63, 65, 66, 75, 77, 80 — 84, 86, 90, 92, 94, 95, 98, 99, 102, 107, 112.

многих местах названных районов, и потому, во-вторых, что большая часть материалов собрана не от тех или иных определенных лиц, а в играющих группах, естественных детских коллективах.

При передаче сообщаемых текстов было желание приблизиться к фонетической записи, но оно по причинам, о которых нет надобности говорить, не во всех частях печатаемых материалов осуществлено в желательной мере.

И в другом пункте пришлось, подчиняясь установившейся традиции, отступить от desiderata^{13*} народнословесников. Уступка традиции сказалась в том, что некоторые слова текстов печатаются неполно, с пропусками, глухо и немо обозначаемыми многоточием. Это так называемые «неудобные для печати слова». Какие же нескромные или — с точки зрения строгой морали — неопрятные слова содержатся в произведениях детской сатирической лирики? Имея в виду печатаемые тексты, можно сказать, что таких слов здесь нет. Правда, тексты содержат несколько слов, не принятых в нашем обиходе и обычно заменяемых латинскими (по-латыни получается безукоризненно!..), но непредвзятый взгляд обнаруживает, что они ничем особенным из ряда прочих слов не выделяются, никаким грязным смыслом или намеком в общенародном употреблении не окрашиваются (ср., например, обозначение сидячего положения в народном говоре: *Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921. Вып. 1. С. 118*). Слова детской сатиры прямы и решительны, просты и коротки. В детском фольклоре, взятом в целом, встречаются исключения, не укладывающиеся в это утверждение, но они должны быть отнесены к числу тех «вольностей», которые свойственны сатирической лирике вообще. Резкость и грубоватость, недопускаемые в других видах словесного творчества, не являются неожиданными или неуместными в сатирической поэзии.

Замена слов или их частей многоточием ничем, кроме традиции, не оправдана; это какое-то нерешительное *полупризнание* допустимости их наравне с другими словами — юридическое непризнание при фактическом принятии. Исследователю застенчивое многоточие не дает права

оставлять без внимания ту или иную часть текста или читать не то, что дает текст. Если бы сборники подобных текстов предназначались для детей, то для них многоточия оказались бы едва ли желательным наводящим указанием на возможность доискаться какого-то скрываемого смысла.

Для изучения фольклора необходима полная ненарушенность текстов, полная сохранность их формы, содержания, словарного состава. Только она обеспечивает возможность делать заключения, касающиеся возникновения, развития, вымирания устных словесных произведений.

Изучение детского фольклора имеет, кроме теоретического, прикладное значение — в частности значение первостепенного источника, дающего материал для исследования детской психологии. Первостепенность его определяется тем, что в словесном творчестве детей исследователь имеет непринужденное самораскрытие их психики, непринужденное высказывание детей о самих себе.

Произвольное «редактирование» взрослыми произведений *подлинно детской* устной литературы грубо нарушает их целостность; пропуски и умалчивания, искажая источник, ведут к неправильным заключениям в исследованиях, ставящих себе те или иные — теоретические или прикладные — цели.

Совершенное игнорирование словесных произведений, содержащих *орprobría rustica*^{11*}, было бы нарушением аксиоматически простых *desiderata* наших изучений, умаляющим смысл и значение этнографических и фольклористических изысканий.

РИФМОВАННЫЕ ПРОЗВИЩА

1. Андрей-индей.
Андрюшка-индюшка.
Анисья — на прутике повисла.
Архип — старый гриб.
5. Верка — табашна мерка.
Витька (или Митька) — коровья титька.

В варианте:

- солена титька.
Кешка-плешка¹.
Лиза-подлиза.
Лизуха-подлизуха.
10. Любка-юбка.
Матрена — ж..па ядрена.
Мишка-шишка.
Павел — в штаны наплавил.
Степка — связана ж...ка.
15. Ульянка-за...нка.
Филька-шпилька.
Жид на г...не дрожит.
Лягаш, штаны продашь?
Обычным ответом служит фраза:
«А ты на копейку купишь?..»
Матрос — в штаны натрес.
20. Дразнила — собачье рыло.
Задавала — собачча обдираала.

ДРАЗНИЛКИ

22. Алексей божий
обшитый кожей.
Боровое.
Алеха-Алексей
полна пазуха мышей.

Вариант:

Алеша-Алексей
полна ж..па карасей.

¹ Приходится пожалеть, что мы не имеем ни местных словарей детского обыденного языка, ни словаря поэтической речи детей. Простой просмотр сообщаемых текстов обнаруживает в них наличие слов, нуждающихся в пояснениях. Вот краткие пояснения некоторых:

Бахтарман — басурман; *брѣтик*, *брішка* — бритый; *везѣнка* — тот, кто возит; *монѣтик* — монета; *лягаш* — пренебрежительное название ребенка из интеллигентной семьи; *накласть* (№ 28) — оставить испражнения; *плѣшка* (№ 7) — penis; *спіха* — тот, кто поздно встает; *стрижык* — стриженный; *талалѣ* — звукоподражательное прозвище, даваемое тем, кто неясно выговаривает слова, например, вследствие потери зубов; *черемушечка* — черемуховый прут.

24. Анна-банна
нога деревянна.
Акмолинск. у., Киренск. у.
Ср. № 56, 62.
25. Аркашка-таракашка,
Аркан-таракан.
26. Ваня, Ваня, улети
на поповы конопли.
Боровое.
27. Женька — женюся,
женюся — разженюся.
28. Илья-пророк
штаны прожог.

Вариант:

- Илья-пророк
наклал в чарок^{15*}.
Колька-калека
съел человека.
30. Кузя, Кузя —
вошь на пузе.
Акмол. у.
31. Люда-мила
ногу придавила.
- 31-а. Митька титьку не берет,
сам кататца да ревет.
Шабарта.
32. Мишка-медведь,
научи меня п...ть.
Ср. № 75.
33. Польша-палеган
штаны пролегал.
34. Сонька-сова —
весела голова.
35. Степа-лепа-требуха
съел корову да быка.
Боровое.
- 35-а. Филька-Филип
на кобыли прилип.
36. Фомишна — булочка пшенишна,
ж...а тряпична.
Киренский у.

37. Шурка-воровка —
красна головка.
38. Шурка-макака
в чашку накакал.
39. Яшка-якут,
в ж...е яйца пекут.
40. Братской, братской на орде
с черемушечкой в руке¹. ^{16*}.
41. Жид пархатый
номир пятый
(или: нос горбатый).
Ср. № 95.
42. Жид-еврей,
нас...л у дверей.
Иркутск.
Жид маканай
из г...на стряпанай.
Там же.
43. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка.
Омск и др.
Ср. № 35.
44. Поляк — штаны горят,
а ж..а мерзнет.
45. Вятский слепень
наехал на пень.
46. Хромой, верни ногой,
копейку дам.
47. Бараня в салопе,
подпоясана по ж..пе.

Или:

Бараня-фуфу,
вся ж..па в пуху.

¹ Эта дразнилка, сообщенная мне Д. В. Сизых, теперь, кажется, вышла из употребления, а лет 20 — 30 назад ее знали все куйтунские ребята. Увидев бурята, едущего на своем одре по селу, они выбегали ему навстречу и пели... Пользуясь наступившей паузой, кто-нибудь скажет: «Братской, а братской, смотри-ка»... Поплюет в ладонь правой руки, оботрет ее о то место своих штанишек, которое прикрывает мягкие части, и покажет «кутишку». Бурят стегнет черемушечкой лошадку, а ребята бегут за ним и вдогонку поют: «Братской, братской на орде»...

48. Вшивый барин
вшей напарил.
49. Бретая башка,
дай пирожка.
Акмол. у.
50. Стрижка-бришка,
в ж..е кутишка.
51. Стришка-бришка,
попов парнишка.
52. Стриженный-паленый,
под гору сваленый.
Мальта, Иркутск. г.
53. Стрижик-бретик,
дай монетик.
54. Ябеда-беда,
тараканья еда.

ИЗДЕВКИ

55. Андрей-воробей,
не клуй песок,
не точи носок.
Боровое.
56. Анна-банна — вшивый бок,
титьки мягки, как клубок,
ж..а долга, как бадог.
57. Илья-муромец —
на ж..е семь пуговиц,
восьмой фитиль.
Кировский у.
58. Балаган, мой балаган,
ты не знаешь, балаган,
как женился Петрован.
59. Спиха-корова
на печке спала,
калачи проспала.
60. Иман с бородой,
погонись за мной,
три копейки за тобой.

61. Алеша-балеша,
мать нехороша,
отец с кувшин,
борода с аршин.
Боровое. Кокчетав.

В тулунском варианте первое двустушие поется:

- Алеха-лепеха,
мать-повареха.
62. Анна-банна —
нога деревянна,
блин толстой,
каравай густой
Ср. № 24.
63. Борька косой
поехал по соль,
соли не купил,
а кобылу утопил...
64. Ванишна лиха,
задавила петуха,
петух пищит,
Ваньку за уши тащит.
65. Васька-васенок —
худой поросенок,
на камушке родился,
г...ном (кишкой) подавился.
Ср. № 97.
66. Егорка косой,
не ходи полосой,
тебя курицы не любят,
петухи в ж...у клюют.
67. Иван-болван
с колокольни упал,
жена крива
молоко пролила.
Боровое.
68. Иван-болван
с колокольни упал,
лен сломил
мне не оставил.
Кишинев. у.

69. Катюхá, Катюхá
задавила петуха;
петух г...ны клюет
(конец забьт).
Боровое.
70. Катя, Катя, Катерина,
нарисована картина —
не чернилам, не пером,
из лохани помелом.
71. Колька-миколка
в ж...е иголка,
ссыт, п...ит,
колесо вертит.
Акмолинск. у.; Тулунск. у.
72. Коля-моля-селенга^{17*}
съел корову да быка,
пятьдесят поросят,
одни косточки висят.
Киренск. у.; Урullyа.
73. Шура-мура-селенга
съел кобылу да быка,
семьсот поросят,
только косточки на колышках висят.
Иркутск.
Ср. № 88; ср. также:
Ванька-кумаханька^{18*}
съел корову да быка,
три ушата молока,
да ишо голоднá, —
штоб ты язвило в бока.
Шабарта.
74. Галки вы, галки,
возьмите по палке,
убейте ворону,
снесите к Мирону.
75. Мишка-медведь,
научи меня п...еть,
я п...ну, ты поймай,
никому не отдавай.
Ср. № 32.

В Перфиловой на это отвечают:

- Я буду ловить
да тебя кормить.
76. Мишка-медведь,
научи меня п...ть,
Мишка-медведь,
не умеешь сам п...ть.
77. Мишка-плишка,
жена — коротышка,
детки-малетки,
карантовки.
Верхоленский у., Тутура.
78. Ах ты, Нютка — сера утка,
не летай с краю на край,
тебе вымажут ворота,
раскатают весь сарай.
79. Палеган, Палеган —
аржана лепешка,
капитан, капитан —
рваные штанишки¹.
80. Петька-петух
на завалинке протух.
Акулина-чепуха
задавила петуха.
Боровое.
Ср. № 100.
81. Как у Сани на носу
ели свиньи колбасу;
ели, ели три недели,
ели, ели — не доели.

¹ Понимание смысла некоторых издевок дается только по ознакомлении с обстоятельствами, вызвавшими их появление. Содержание их далеко не всегда поддается пересказу в какой-либо иной форме, так как и в детских издевках, относящихся к лирическим произведениям, заметно сказывается слитность содержания и его словесного выражения. Данную эпиграмму можно было бы многословно «перевести» примерно так: «Чудак ты, Павел! Стать капитаном — разве это легкое дело? Как ты, бедняк, питающийся ржаным хлебом и одевающийся в рваное платье, можешь мечтать об этом?..» Выигрывая в отношении удобопонятности для постороннего слушателя, это четверостишие лишается в пересказе всех свойств, присущих художественному произведению.

Вариант:

- Как у Сани на носу
ели черти колбасу;
ели, ели, не доели,
Сане в рот наб...ели.
82. Сенька-везенька
вез бабу на санках...
санки-то скок,
бабе-то в лоб!..
83. Степушка-Степан
Степанидушку трепал,
Степанида у...алась,
Степа г..ны убирал.
84. Федар-бóбар
ходил на́ бар,
пишки брал,
штанишки рвал.
85. Федя-медя
съел медведя,
вы...ал гуся,
сам: «боюсь»...
Ср. № 101.
86. Федя-медя
съел медведя,
вы...ал волка,
ж...а долга.
Тулун, Урумьга и проч.
87. — Шурка-бурка — длинный нос,
почем в городе овес?
— Три копейки с пятаком,
Шурка едет с колпаком.
88. Немец-перец-колбаса
съел корову да быка,
семьсот поросят,
одне лопаточки висят.
Омск и др.
Ср. № 43, 72, 73.
89. Цыган-мыган
кошку дрыгал
черным рогом
под порогом.

В варианте второе двустигшие:

- Обдирал
да в рот толкал.
90. Беззуба талалá,
тебя кошка родила,
поп крестил —
штаны спустил.

Менее известно шестистигшие, образуемое прибавлени-
ем сюда двух стихов:

- Попадья подбежала,
штаны подержала.
91. Косой бес
пошел в лес,
срубил палку,
убил галку.
92. Вор-воришка
украл топорика,
полез в окно,
упал в г...но.
Тулун, Омск и др.

В варианте первые два стиха поются:

- Вор-ворина
украл топорина.
93. Коза-стрекоза —
вылуплены глаза,
волчий нос,
белый купорос.
94. Кошкина мать
собиралась умирать,
умереть не умерла,
только время провела.
95. — Жид пархатый
номер пятый
на иголочке распятый,
где твой дом?
— На базаре под г...ном.
Омск.
Ср. № 41.

96. Андрей-воробей
не гоняй голубей,
голуби несутся —
всем по яичку,
Андрею затычку.
Ак.молинск. у.
97. Васька-васенок —
худой парасенок,
на камушке родился
г...ном подавился,
Др...ей обкатился.
Киренск. у.
Ср. № 65, 105.
98. — Дедушка Иван,
куды баушку девал?
— В карман заталкал,
она голосом ревет,
волоса себе дерет.
Шабарта.
99. Санишна кишка
потянула три мешка,
стали мять — пудов пять,
стали весить — пудов десять,
поехали продавать.

В варианте первый стих поется:

- поселенская кишка.
100. Петька-петух
на завалинке протух,
яичко снес,
казакам отнес;
казаки не берут,
Петьку за уши дерут.
Омск.
Ср. № 80.
101. Федя-медя
съел медведя,
продал душу
за лягушу,
за поганый котелок.
Боровое.

В шарагульском варианте конец читается: «за папашава каня», а в Шабарте — «за собаччую кишку».

Ср. № 85 и 86.

102. Баба-яга
 костяная нога
 нос крючком,
 голова сучком,
 ж..а ящичком...
103. Косой заяц
 нанес яиц
 вывел детей,
 косых чертей,
 тяжело ей было.
104. Хóхлы-мóхлы
 все подошли,
 один остался,
 да и тот уср..ся,
 и тот подох.
105. Вася-васенок —
 худой поросенок,
 залез в траву,
 кричит: мяу,
 зálез в кóпну,
 кричит: лопну.
Ср. № 65, 97.
106. Олька-дура
 в лес подула,
 в лес пошла,
 грош нашла,
 мыльца купила,
 рыльце умыла.
107. Петька-петух,
 на завалинке протух,
 ичка снес,
 на б а з а р понес,
 на б а з а р е не берут,
 Петьку за уши дерут.

Отмеченное разрядкой иногда заменяется именем «симпатии», например:

Симе понес,
Сима не берет...
Ср. № 80, 100.

108. Сонька-дура, Сонька-дура
полюбила шшыкатура,
шшыкатур не дурак:
купил Соничке калпак,
Соня стала надевать,
шшыкатура цалавать.
109. Мама ела редьку,
выкакала Федьку.
Федька воняет,
куриц гоняет,
курицы гогочут,
на яйца не хочут.
110. Вот татарин-басурман
посадил девку в карман,
девка выскочила,
глаза выпучила,
побежала в огород —
испугала весь народ.

В близком варианте из Киренского у. поется: «татарин-бахтарман».

111. Девичий пастух
девок пас,
в огороде завяз.
Увяз и кричит:
— Девушки, матушки,
выньте меня,
не спокиньте меня...
112. Ванька в баньке парился,
сучке в ножки кланился;
сучка дришшьт молочком,
Ванька лижет язычком;
сучка невзлюбила,
Ваньку укусила —
сучка пестра
Ванькина кресна.

113. Катя-Катерина —
нарисована картина,
Катя зорю вышивала,
офицера дожидала:
офицер молодой,
доведи меня домой;
мой дом на горе
три окошка во дворе.
Боровое.

114. Боба с Кокой,
Кока с Бобой —
парни удалые:
Боба — курица слепая,
Кока — миска суповая,
Боба-ангел, Боба-бог
и изодранный сапог.
(Конец забыт).
Новониколаевск.

ПОДДЕВКИ

114. — Скажи: баня.

— Баня...

— Тебя любит Ваня.

Таким же образом в диалогах рифмуются:

двести — голова в тесте,

шестьдесят — сопли висят,

три — нос подотри,

чѐ — чирий на плечо.

120. Чайник — отец начальник,

на бане лагун^{19*} — отец колдун.

на бане веревка — ты (или твоя мать) воровка,

аркан — отец таракан,

лопата — мать горбата.

125. Венец — отец жеребец,

путо — отец ходит круто,

на печурочке (или на приступочке) песок — отку-

си г..на кусок,

колокольня — твоя мать покойна,

на бане корыто — твоя мать в земле зарыта.

130. — Скажи: май!
— Май...
— Я п...ну, ты поймай.
— Я буду ловить да тебя кормить...
— А я наоборот,
через заплот
да тебе снова в рот... ^{20*}
Киренский у.

В тулунском варианте:

- Я буду ловить
да тебя кормить.
— А я буду отворачивать
да тебе в рот заколачивать...
— Наоборот
да тебе все в рот.
131 — Тебе поклон послали.
— Кто?
— Маша.
— Кака Маша?
— Свинья наша...

Вариант:

- Чо-та мне седни йчитца^{21*}.
— Верно, поминают.
— Кто?
— Маша...
и т. д.
132. — Спокойной ночи!
— Др...ать тебе до полночи...
133. — Дай мне...
— Рука в г...не.

Существует продолжение:

вымой в лохани —
ишо будет погани.

Вариант:

- Дай мне...
— Рука в г...не!

- Я вымою в лохани...
— Ишо будет погане.
134. — Дай серки... ^{22*}
— Пакапай в шшэлки,
Может, найдешь —
у сучки три кучки,
у серка — два комка.

Вариант:

- Дай серки...
— В нужнике в шшэлки,
у барбоза два воза,
у сучки — две кучки.
135. — Пойду домой...
— Домой?!
Был дом
под г...ном,
шли татары
да растоптали.
136. — Я буду рассказывать, а ты говори: «и я тоже...»
— Ладно.
— Пошли мы в лес.
— И я тоже.
— Вырубили корыто.
— И я тоже.
— Налили помои.
— И я тоже.
— Свины стали ись.
— И я... тоже.
— А ты разве свинья?
Урульга.
137. — Говори — за мной: «ну».
— Идет.
«Посадил дед в подполье репку». — «Ну».
«Репка выросла большая, до полу». — «Ну».
«Дед прорубил пол». — «Ну».
«Она росла, росла». — «Ну».
«Доросла до потолка». — «Ну».
«Дед прорубил потолок». — «Ну».

«Репка росла, росла». — «Ну».
«Доросла до крыши». — «Ну».
«Дед прорубил крышу». — «Ну».
«Репка росла, росла». — «Ну».
«Выросла до неба». — «Ну».
«Стал дед дергать репку». — «Ну».
«Дергал, дергал». — «Ну».
«Выдернуть не может». — «Ну».
«Позвал бабку». — «Ну».
«Дергали, дергали». — «Ну».
«Выдернуть не могут». — «Ну».
«Позвали внучку». — «Ну».
«Дергали, дергали». — «Ну».
«Выдернули репку». — «Ну».
«И внучка велела плюнуть тому, кто говорил: ну...»
Тулун-поселок.

138. — Говори за мной: «как».

— Ладно.

«Пошла баба в кабак». — «Как».

«Напилась пьяная». — «Как».

«Пришла домой». — «Как».

«Мужик стал ее бить». — «Как».

«А вот так!»

С последними словами следует удар в спину.

Тулун-поселок.

139. По адресу перешептывающихся в присутствии других говорится:

Шоп-шоп,

нас...у в горшок.

140. Ответом служит стихотворение:

Указчику

г...а за щеку,

за другу —

табаку...

«Указчиками» ребята называют тех, кто жалуется на товарищей, выдает их, тех, кто вмешивается не в свое дело. Это стихотворение используется во всех подобных случаях.

140. Распределив места на общей постели, говорят:
Я с краю-раю,
медок поедаю;
ты в середке —
в золотой веревке...
(Конец забыт.)
Шарагул.

Публикация А. Ф. НЕКРЫЛОВОЙ и В. В. ГОЛОВИНА

Г. С. Виноградов
ДЕТСКИЕ ТАЙНЫЕ ЯЗЫКИ
КРАТКИЙ ОЧЕРК

В непродолжительной истории каждого детского поколения наблюдатель подмечает тот же триединый процесс, который устанавливает мыслитель для истории каждого народа и государства. Быт детей лет до семи характеризуется всеми главными признаками «первоначальной простоты»: в нем много неустойчивого, бесформенного, в нем много подражательности. Период лет от семи до двенадцати — тринадцати характеризуется наибольшей самобытностью, напором сил, яркостью; это — период «цветения и цветущей сложности». Затем наступает третий период — «период вторичной простоты» — с его разрозненностью, вялостью, неуверенностью, неустойчивостью.

Бесспорно, что это (как, вероятно, и всякое другое) деление детского возраста на периоды в большой или малой мере условно, но оно полезно при попытках выделить наиболее интересный для наблюдателя возраст; к тому же оно не находится в противоречии со специальными исследованиями периодов человеческой жизни¹.

Самый интересный, яркий и содержательный — второй период. Вторая половина, особенно конец его, характеризуется развитием у детей «хорового начала», общественной жизни, уходом их в жизнь своей среды, настойчивым *обособлением* от жизни и быта взрослых. Свои игры и свои обычаи, свое право и своя общественность, свой фольклор и свой язык — вот что обособляет детей в периоде «цветения и цветущей сложности» от мира взрослых².

¹ Из новых работ хочется назвать книгу Н. Я. Пэрна «Ритм, жизнь и творчество» (Л.; М., 1925).

² Об обособленности детского быта подробно сказано в моих работах: Детский народный календарь. Иркутск, 1924. С. 5 — 10; Детский фольклор и быт. Иркутск, 1925. С. 5 — 9.

Обособленность лишней раз (и, может быть, с большей убедительностью) подчеркивается стремлением детей к созданию языка, который давал бы возможность полнее и в то же время неприметнее для взрослых осуществлять планы, задачи и стремления, связанные с их общественной жизнью.

Этим задачам чаще всего отвечает какой-нибудь искусственный язык, являющийся не только средством общения между членами языковой группы, но и могущий служить целям *сокрытия тайны* от посторонних, непосвященных — прежде всего от взрослых и уж во вторую очередь — от малышей.

Какие тайны детских сообществ или групп охраняются от взрослых и малышей и почему?

Обладание тайным языком не всегда предполагает у носителей этого языка наличие подлинно тайной организации.

Тайные сообщества, вполне оправдывающие такое название, встречаются в детской среде довольно редко. К ним можно отнести организации, ставящие себе «преступные» цели лишь время от времени и выполняющие их, так сказать, *между прочим* (кража из огородов, из конопляников), и с полным основанием — более постоянные ассоциации малолетних преступников, спаянных воровством как профессией.

В большей же части детские временные или постоянные ассоциации лишь с известной долей условности могут называться тайными. Они окружаются некоторой таинственностью из подражания образцам (разбойники, индейцы), из необходимости обезопасить себя от насмешек взрослых и вообще людей чужих по настроениям и интересам, из стремления быть или казаться интересными, необыкновенными, из желания «держаться фасон» перед малышами, возбуждая их восхищение и плохо скрываемую зависть.

И здесь сила потребности становится силой творчества. Нужда в непонятном для непосвященных средстве общения через слово рождает *тайные языки*.

Различные виды и разновидности детских тайных языков распространены довольно широко, особенно в городах и больших селах.

Степени их распространенности не вполне соответствуют степени интереса к ним и знакомства с ними. Правда, детский аргот^{2,3*} пользуется вниманием новых беллетристов¹, авторов брошюр о беспризорных детях², но блатной язык — не самый распространенный и далеко не единственный в обиходе детских масс. О других детских языках (если не иметь в виду работу Д. К. Зеленина о языке семинаристов³) мы встречаем только упоминания и беглые характеристики их¹.

Такое положение дела оправдывает мое намерение опубликовать краткое описание некоторых из тайных детских языков, сделанное на основании имеющихся в моем распоряжении материалов, собранных в разных местах Восточной Сибири: на Амуре (Зея и Благовещенск), в Забайкалье (Чита и Маккавеево), в Иркутской губернии (Иркутск, Тулун и др.), в Енисейской губернии (Красноярск, Енисейск); некоторые записи относятся к Томской губернии.

Недочеты моего сборничка ясны каждому. Он, конечно, не вмещает всех материалов, которые можно было бы собрать в указанных провинциях; данное мною описание не отмечено следами трудолюбного изучения детских языков; оно сделано кратко и схематично и, возможно, с допущением ошибок. Если последуют желательные дополнения и необходимые исправления, то это и будет как раз то самое важное, на что мне хотелось бы надеяться. Таким путем создастся удовлетворительное собрание материалов, обеспечивающее возможность изучения детских языков.

¹ Григорьев А. «С мешком за смертью», Сейфуллина Л. «Правонарушители».

² Например: Коллективы беспризорных и их вожак: Сборник статей С. О. Лозинского, Н. П. Велецкой, А. В. Уласовой / Под ред. Б. О. Боровича. Харьков, 1926.

³ С нею мне не удалось познакомиться.

¹ Поржезинский В. К. Введение в языковедение. — 4-е изд., пересм. и доп. — М., 1916. С. 212. Тамсон А. И. Общее языковедение. Одесса, 1910. — 2-е изд., перераб. и доп. — С. 379. Говоря о детских искусственных языках как о «коверкании языка», А. И. Томсон дает поводы думать, будто образования слов у детей происходят случайно, бессистемно, без подчинения определенным «правилам». В действительности дело обстоит не так или не совсем так.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ТАЙНЫХ ЯЗЫКОВ

ЗАУМНЫЙ ЯЗЫК

1. Взрослые в своем языке часто не имеют слов, которые обозначали бы предметы детского повседневного обихода, понятия, связанные с детским общественным бытом, не имеют они, как кажется, и слов для выражения детских настроений, переживаний, вообще духовной жизни детей. Видимо, общеупотребительный материнский язык, в том составе и виде (с ограниченным запасом слов, их оттенков, оборотов), в каком он доступен детям интересующего нас возраста, не настолько богат, чтобы им можно было ограничиться, выражая мысли и многообразные настроения и ощущения. Не отсюда ли создание новых слов, насыщенных своеобразным смысловым или эмоциональным содержанием, — *слов заумных и речи заумной?*

Любование звуками слова и сочетаниями их свойственно детям. В речи взрослых они не всегда находят радующие их звуки в таком изобилии, как в своей заумной речи. Отсюда неудовлетворенность обыденным языком социальной среды и поиски если не во всем нового, то необычного — того, что взрослые назовут «коверканием» обычного языка, *искусственным языком*.

Элементы, делающие искусственный язык *тайным языком*, улавливаются в разговорном заумном языке детей и подростков.

Детская заумная речь не всегда переводима на обычный язык и всегда — неповторима. Чтобы заинтересовать кого-либо («для форсу») или с целью привлечь к себе внимание, в группе детей импровизируется непонятный для окружающих разговор, дразнящий страсть и возбуждающий зависть непосвященных. В одних случаях говорящие на новом языке совершенно не понимают друг друга, и даже каждый говорящий не знает того, что он говорит, ведя совершенно заумную речь: от живой речи в ней только и остается, что звуки да утрированно выразительная интонация. Внешняя сторона тайного языка здесь в наличии: сокрытие истинных намерений, которое здесь можно наблюдать, — один из признаков тайного языка.

С теми же целями создается речь из каких угодно слов

какого-нибудь иностранного языка; в сравнительно недавнее время читинские, иркутские и, вероятно, другие бурсаки-подростки нередко пользовались этим видом заушной речи.

Один произносит на греческом языке (он был в таких случаях самым употребительным) отдельные фразы из Кюнеровой грамматики^{21*} или Ксенофонтова Анабазиса^{25*}, другой поучает, что когда говорят старшие, то юноши должны молчать, иной, с трудом удерживая смех, говорит о гибели священной Трои, древнего Приама и его народа-копыеносца...^{26*} Каждый участник «разговора» понимает все слова и все фразы, но, по существу дела, никто ни с кем не разговаривает (т. е. не общается через слово), — ведется та же заушная речь; эффект получается такой же, как и в предыдущем случае.

В заушном языке можно видеть только *элементы* тайных языков. Подлинные тайные языки, наблюдаемые у детей, распадаются на несколько групп.

ЯЗЫКИ ИЗ ОСНОВЫ И УТКА

2. Самую большую группу образуют языки, которые создаются на основе общеупотребительного языка взрослых путем включения в нее (основу) искусственно составленных добавлений в виде слогов или заушных слов.

Элементы общеупотребительного языка здесь будут названы *основой*, а искусственно образованные включения и наставки — искусственным же термином *уток*^{27*}. Некоторое оправдание использования этого не вполне удачного названия нахожу во внешней аналогии между переплетением разных элементов, образующих детский искусственный язык, и процессом ткачества, где уток «идет поперек основы и перебором образует ткань»¹. Вводные или наставные слоги, расчлняя привычные слова на приблизительно равные части и размещаясь между ними, окрашивают их своими доминирующими звуками; чередуясь с этими частями, часто повторяющиеся одни и те же вводные или наставные слоги придают речи на этом языке

¹ *Даль Владимирф.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.; М., 1882. С. 521.

звучность, иногда — ритмичность, — звуковую орнаментику, подобно тому, как окрашенные нитки утка, вплетаясь в нити основы, дают рисунок.

В порядке увеличения узоров утка́ надлежит рассмотреть: а) языки, построенные на вплетении между слогами основы одного слога утка́ (для краткости удобно назвать: языки с односложным утком), б) языки, образованные вставками между слогами основы двух слогов утка́ (кратко: языки с двусложным утком), в) языки с многосложным утком.

ЯЗЫКИ С ОДНОСЛОЖНЫМ УТКОМ

3. Язык на *то*. Наиболее простым и потому весьма распространенным приходится считать язык, который образован путем включения между слогами (сказать иначе — после каждого слога) основы одного слога утка́. В Енисейске лет 25 назад, в других местах и теперь, уток составлялся из слога или частицы *то*¹.

Пример: *Шуртокато котогдато метонято спротосят-то тыто подтоскатозытовайто* (Шурка, когда меня спросят, ты подсказывай).

Однообразное повторение частицы *то* привлекает к себе внимание слушающих и отвлекает от смысловых слогов основы; так достигается главная цель пользования этим языком — сокрытие тайны от непосвященных. Надежным показателем полного овладения этим языком служит умение говорить без длинных пауз и притом быстро: это и полезно, потому что служит той же цели оберегания тайны, и красиво.

4. *Тутни-язык*. Этот язык занесен в Иркутск, в одно из детских обществ, где были мальчики и девочки, лет 10 — 12 назад заботливостью книгоиздательства Сытина, выпустившего на русском языке книгу *Сетона-Томпсона* — «Юные дикари». В 8 главе первой части (стр. 48) говорится об этом языке: Мальчуган говорил на особом языке, который он называл *тутни*... Язык тутни заключался в том, что во всех словах гласные оставались без измене-

¹ Сообщил А. Н. Соболев.

ния, а согласные удваивались, и между ними вставлялось у. Так *б* превращалось в *буб*, *д* в *дуд*, *м* в *мум* и т. д. Например, слово *мум-о-лун-чуч-и* означало — молчи.

Этот заимствованный небольшой группой детей и подростков язык употреблялся не столько в обыденной жизни детской языковой общины, состоявшей из 6 — 8 человек (мальчики и девочки), сколько при игре в индейцев.

Тутни не подвергался каким-либо изменениям — может быть потому, что он был не единственным языком, которым владела описываемая община. Может быть, относительно лексики нужно сделать незначительную оговорку. Лексика обогащалась заимствованными словами — почти исключительно «индейскими», идущими в детскую среду через книжку Лонга «На Крайнем Севере», через «Песнь о Гайавате» Лонгфелло. Такого происхождения были, например, слова: *Эймилос* — лисица, *Мувин* — медведь, *Пиквам* — черная куница и др. (это — слова-прозвища); *колумед* — трубка мира; *коммузи* — хижина и др. Как слова, заимствованные с иностранного, они не подвергались изменениям. К тому же они и без того не были понятны врагам — взрослым и вообще непосвященным.

Если тутни не подвергся изменениям, то послужил некоторым образцом при образовании новых тайных языков, надобность в которых, несомненно, была: тутни не считался легким языком для всех членов языковой общины, включавшей детей и подростков от 8 до 15 — 16 лет, т. е. людей неравных сил¹.

5. Трудно отказаться от предположения, что довольно

¹ Язык этот употреблялся не только при игре в индейцев; та же группа им пользовалась, играя «в гномы». Обстановка, по рассказам О. М. Блюменфельд, такая: стол (в комнате) — дерево; под столом — дупло, нора. Каждый участник игры — гном. Гномы расползаются по дуплам, по норам. Каждый в своем одиночестве молчит. Это — зима. После длительного молчания гномы начинают шевелиться, вылезать, «браться хоромом», плясать. Это — весна. Начинаются работы: рубят гномовскими топорами нашу землянику, таскают в норы, в дупла. Затем наступает осень и опять — зима. Эта игра была подсказана рисунками в книге, названия которой память не сохранила. В тутни при описанной игре входили в большом количестве слова из поэмы Лонгфелло и несколько немецких слов, подхваченных из разговора взрослых. Ни те, ни другие, как и без того достаточно непонятные для окружающих, на язык тутни не переводились.

распространенный язык *зутни*¹ создан (в той же группе) по образцу и подобию тутни: не только схожесть названия, но и принцип построения языка склоняет к такому подозрению. Построение его таково: каждая гласная произносимого слова повторяется два раза, а в середину вставляется согласный *з*; говоря иначе, после каждого слога основы прибавляется короткий слог *утка́*, состоящий из согласного *з* и гласной слога основы.

Пример: Язя́ зназа́ юзю чтозо́ тозо́ (я знаю что-то). Позо́ йдэ́зём наза́ созо́ лнызы́ шкосо́ (пойдем на солнышко).

Всюду соблюдается закон гармонии гласных. Разделение на слоги подчиняется требованиям удобства произношения (ср. *позо-йдезем* и др.). Ударение, если каждую образующую пару слогов принимать за слово (как это делают иногда представители данной языковой группы), падает на вторую гласную; если же о слове говорить в общепринятом смысле, то приходится сказать, что слова этого языка несут несколько (по числу слогов *утка́*) ударений.

Из всех языков, употреблявшихся (и употребляющихся в нынешних детских группах) при игре в индейцев, *зутни* самый употребительный, может быть потому, что он приятно и необычно звучит и, звеня своим неустанным *з*, подсказывает ребятам-индейцам больше того, что подслушал, взяв свою «детскую азбуку, малый букварь», Бальмонт^{28*}.

Может быть, потому он и кажется ребятам легче, чем *тутни*. Только в случаях необходимости поступаются на время этим языком. Иногда это было (и, видимо, бывает) нужно для того, чтобы «запутать», сбить с толку выслеживающих непосвященных, начинающих вслушиваться в разговор; иногда это вызывалось ходом игры-импровизации, когда одной группе участников нужно чем-нибудь отделиться, обособиться от другой. Хотя вариант языка, или, лучше сказать, диалект был всем понятен, цель достигалась: получалось видимое отчуждение, обособление групп.

Образование диалекта достигалось заменой *з* на какой-нибудь другой согласный, например, *ф*. Тогда речь звучит

¹ Существование его на Амуре отмечает О. М. Блюменфельд, в Забайкалье (Чита, Маккавеево) — Л. В. Ермолина.

примерно так: *Афамуфур рафазлифи вафаефетсяфа* (Амур разливается)¹.

Среди иркутских школьников и теперь есть группы, говорящие на зутни, меняя з на к: *секевокодняякя укурокок фикизикикики* (сегодня урок физики).

6. Язык *вахара*. После каждого слога основы прибавляется последовательно один из трех слогов уткá: *ва, ха, ра*.

Вовадаха горалявачахаяра (вода горячая). *Левад хохалорадныйва* (лед холодный).

Слова разбиваются по слуху, а не «по грамматике» (между прочим, это дает возможность усвоить языки неграмотным); отсюда вместо ожидаемого *ледва* находим *левад* (лед), *вм. лодра* и *ныйва* — *лора дныйва*. Вообще и в этом языке допустимы отступления, вызываемые требованиями удобства, и возможны обмолвки при быстром произношении; так, фраза «лед холодный» может быть произнесена, например, так: *левад хохалорадванныйва*.

Употреблялся этот язык и в последнем десятилетии прошлого столетия в Красноярском духовном училище².

ЯЗЫКИ С ДВУСЛОЖНЫМ УТКОМ

7. Язык *фита*. Строение его тоже несложное: каждый слог основы отделяется от следующего двумя слогами уткá.

Образец: *Тыфита кúфита дафита иóфита шлафита?* (Ты куда пошла?)

В акающих говорах, как у старожилов Иркутска, особенно у неграмотных ребят, эта фраза звучит так: *тыфита кúфита дыфита пафита шлафита?*

Ударение на каждом слоге основы, или (что то же) на первом слоге слов языка *фита*. История изобретения языка *фита* неизвестна. В Иркутске несколько лет назад это был тайный язык «разбойничьей шайки» (в тридцать человек) мальчуганов 8 — 12-летнего возраста³.

¹ Сообщила О. М. Блюменфельд. С этим же явлением наблюдательница встретила и в Зее.

² Сообщил М. И. Пальмин.

³ Первоначально участники шайки, по сообщению О. М. Блюменфельд, объединились в «войско». Но войско — легально; интереснее преследуемая, но неуловимая «шайка». Шайка управлялась нормами неписаного закона и правилами. Закон, между прочим, возбранял об-

Известен этот язык и детворе Томска¹, у девочек здесь он несколько сложнее.

8. Так же образован язык *драга*, отмеченный в Зее (Приморье)².

Видимо, всем известное в этой местности золотоискательское слово *драга*^{29*} использовано в качестве утка при образовании тайного языка.

Пример: *Ка́кдрага вы́драга по́драга жи́драга ва́драга ете́драга?* — *Лу́драга чше́драга не́драга ку́драга да́дарга* (Как Вы поживаете? — Лучше некуда).

Точность в разделении слов на слоги, особенно в окончаниях, не является обязательной (см. *ете́драга*). Ударение ставится на слоге, непосредственно предшествующем утку; каждое слово несет несколько (по числу слов) ударений.

Говорят на этом языке очень быстро, так что смысловой элемент затирается, и слух непосвященных воспринимает только заузное (для данного случая) слово *драга*. Малыши этим языком не пользуются: требуемая основными целями быстрота произношения им непосильна.

9. Язык *щицы* ничем существенным не отличается от только что описанного. Пример: *при́щицы хо́щицы ди́щицы се́щицы го́щицы дня́щицы ве́щицы че́щицы ром́щицы бу́щицы дем́щицы иѓщицы рать́щицы* (приходи сегодня вечером, будем играть).

Замечания о разделении слов на слоги, об ударении, способе использования, сделанные относительно языка *драга*, следует распространить и на язык *щицы*.

10. Язык *фа́ра*. Он построен на вплетении двух слогов утка, размещенных между всеми слогами основы. Гласный каждого слога утраивается, связываясь поочередно с согласными *ф* и *р*. Пример: *Офо́рот прафа́рав ляфа́ррай тефа́ресь нафа́ра Уфу́ру шафа́ра кофа́ров куфа́ру* (отправляйтесь на Ушаковку).

щение с «знаменскими» (детвора Знаменского предместья) и «дачниками», строго карая (вплоть до побоев) измену. Обычное право, не допуская воровства у своих, возводило в доблесть хищение у врагов, которые всегда — вне закона. Взрослые — враги. Из украденных у соседей досок был устроен «дом» — штаб-квартира. Беспокойства за время своего существования (более двух лет) наделала немало.

¹ Сообщила Е. И. Погребецкая.

² Сообщила О. М. Блюменфельд.

Если в слоге основы два согласных, слоги утка вставляются в середину — после гласной, а согласный приставляется в конце (напр.: *неферет* — нет). Ударение ставится на каждом третьем слоге от начала. Лет 20 назад этот язык был достоянием небольшой (три человека — 10 лет и моложе) детской языковой общины (село Тельма Иркутской губ.); теперь им пользуются более многочисленные группы детей¹.

Пользуясь этими языками, русские дети словно переключаются с иноязычными детьми на восточном берегу Южной Африки, которые также создают секретный язык путем прибавления к начальному слогу основы частицы *lande*², с детьми Вадшагга, которые вставляют в середину каждого слова частицу *ngala*: *kitab* (в выражении *losoma kitab* — мы читаем?), например, произносится как *kitangalabu*³.

ЯЗЫКИ С МНОГОСЛОЖНЫМ УТКОМ

11. Язык *ведива*, или *вампа*. Самый сложный по числу слогов утка, вплетающихся в ткань основы, язык. К каждому слогу основы или (сравнительно редко) к многосложному концу слова прибавляется звучное сочетание восьми слогов *ведива* — *ведивампампа*; при этом соблюдается гармония гласных: ударенные гласные утка подчиняются гласной слога основы или ударенному гласному конца слова; например:

Ждаведива-ведивампампа ливедив-ведивампампи Льва-ведива-ведивампампа Геведиве-ведивампампе оргиевича-ведиворгиевича-ведивампампоргиевича, даведива-ведивампампа естведивест-ведивампампес заведива-ведивампампа хотеливедиве и т. д. (ждали Льва Георгиевича, да есть захотели).

Этот довольно трудный язык наблюдается главным образом, если не исключительно, в обществе девочек⁴.

¹ Сообщила О. П. Пляскина.

² *Kidd B. Savage Childhood*. L., 1906. P. 205 — 206.

³ *Gutmann B. Kinderspiele bei den Wadschagga* // *Globus*. B. XCV. 1909. S. 228.

⁴ Записано от девочек 9 — 10 лет (из Томска) Е. И. Погребецкой.

12. Есть языки более сложного образования, получающиеся соединением утков двух языков, например, языка *фита* и *ведива*. Пример: *Ждафита-ведива-фита-ведивампампа-фита лифита-ведифита-ведивампампи-фита* (ждали).

Подобного рода языки употребляются редко и почти всегда в небольших группах девочек. К комбинированным можно отнести и «индейские» языки.

ЯЗЫКИ С ПРИСТАВНЫМИ СЛОГАМИ

Определенную группу составляют тайные языки другого образования, когда слоги утка *приставляются впереди* слогов основы. Наиболее распространенными оказываются языки *на вер*, *на о*, *на бер*, *на ши* и *щи* и проч.

13. Язык *на вер*. В принятом словоупотреблении: говорить *на вер*. Образец (Чита, курорт Макавеево):¹ *Верья верпо вермню верчуд верно верье вермгно верве вернье* (я помню чудное мгновенье).

В произношении некоторых отделения гласного в «словах» *верья* и *вернье* нет; читается: *верá*, *вернэ*. Ударение на каждом слоге основы.

В Рабочей Слободе Иркутска дети и подростки (главным образом мальчуганы — 8 — 16 лет) говорят *на бер*; например: *берты бердү беррак* (ты дурак).

14. Язык *на о*. В обычном словоупотреблении: говорить *на о*. Пример (Тулун и мн. др. места):

Онэ откó ормить окó оня озá омá орённ огó — не откормить коня заморенного. Ударение на каждом слоге основы. Уступка требованиям удобства и благозвучия: вместо последовательного *оот око* (во втором слове приведенной фразы) находим *отко*.

15. Язык *на ши* или *на ша* (говорить *на ши* или *на ша*). Пример: *шиты шикү шидá шийо шিশól*? Или: *шаты шаку шадá шапо шашел*? (Ты куда пошел?) При желании усложнить язык используют тот и другой приставной слог, заставив их чередоваться; тогда приведенная фраза будет звучать так: *шиты шаку шидá шапо шिशел*?

¹ Сообщила Л. В. Ермолина.

Ударение на каждом слоге основы.

В 1918 — 1926 годах все варианты этого языка были в большом употреблении среди учащихся и подростков (8 — 16 лет) в Тулуне Иркутской губернии; не умер этот язык там и теперь¹.

16. Язык на *щипа*. Пример: *щипая щипапой щипадү щипадó щипамой* (я пойду домой).

Разделение на слоги, как часто бывает в детских языках, не всегда «по грамматике» (этим, как и другим, языком пользуются часто и неграмотные), а так, как удобнее для произношения; например, в одних случаях слово *пойди* разложится на слоги так, как только что показано (*щипаиной щипаду*), в других иначе: *щипаио щипайду*.

Ударение ставится или на первом слоге утка, или — гораздо чаще — на каждом слоге основы.

Распространен у ребят (главным образом мальчиков 8 — 16 лет) в Рабочей Слободе в Иркутске. Впрочем, маленький люд (около 10 лет) предпочитает говорить *на о*, особенно *на бер*.

17. *Индийский язык* соединяет в себе черты языков обеих охарактеризованных групп. Одни элементы его утка оказываются в положении приставных слогов, другие следуют после слогов основы. Пользующиеся этим языком каждый звук произносят как название буквы: а, бэ, вэ... эл, эм и т. д.; например: *эстэол эсэлозмазэся* (стол сломался).

Ударение делается произвольно; неизменно оно ставится, кажется, только перед паузой, необходимой для передышки при быстром произношении. Неторопливое произношение и стремление замаскировать смысловые элементы слов, закрыв их обилием гласных, в частности непрерывным э, влечет к увеличению числа ударений. *Пэбшаэли бэы вэ элэс дэа пэогэбдэа пээлохэая* (пошли бы в лес, да погода плохая).

Уступки удобства произношения и требованиям благозвучия наблюдаются и в этом языке: например, замена в слове *пээлохэая ха* на *хэ* должна быть объяснена именно как такая уступка.

¹ Сообщила М. С. Воронова.

Индийский язык наряду с другими употреблялся преимущественно при игре в индейцев, никакого названия не имел (здесь назван индийским, как имевший преимущества в указанной игре). Появление индийского языка в одной языковой группе было вызвано надобностью в языке, которого не понимали бы младшие члены. Один из старших членов группы (14 — 15-летний гимназист) после поисков и размышлений нашел выход из затруднения, изобрел («придумал») этот язык — довольно неудобный и трудный; впрочем, эти минусы искупались тем, что язык достигал своей цели, и тем, что он был совсем необычный. К тому же изобретатель был авторитетнейшим членом группы: самым сильным, самым ловким, самым ученым и — главное — знал себе цену. Как бы то ни было, среди старших членов группы язык привился¹.

ЯЗЫКИ С МЕНОЙ ОКОНЧАНИЯ ОСНОВЫ

18. Язык *фарты* (или *харты*). К каждому односложному или двусложному слову прибавляется окончание *фарты* (или *харты*); в словах многосложных отбрасывается обычное окончание основы и заменяется тем же двусложным *фарты*.

Пример: *Яфарты пофарты гуляфарты* (я пойду гулять). Впрочем, это правило имеет немало исключений, характер которых можно показать на таком примере: *Жифарты старифарты со старуфарты у сафарты сифарты мофарты* (жили-были старик со старухой у самого синего моря). В последних трех словах делается уступка удобству произношения, может быть, в ущерб понятности, отсекается и заменяется не только окончание, но и часть корня. Вследствие этого не всегда можно различить времена глаголов и проч. Говорение (использование языка) неграмотных отличается тем, что они предлог с следующим словом не разъединяют (состаруфарты). Ударение падает на слог, стоящий непосредственно перед утком.

Язык *фарты* (в Иркутске) в игре почти не употребляется; это.— язык или деловой (в одних случаях), или

¹ Сообщила О. М. Блюменфельд.

служит для забавы — особенно у малых детей (моложе 10 — 8 лет), которым он дается без большого труда.

19. Так же образован язык *харки* (Тулун и окрестности). Образец: *Чехарки тыхарки мнехарки говорихарки? Яхарки совсехарки непонимахарки тебяхарки* (Что ты мне говоришь? Я совсем не понимаю тебя).

Все замечания, касающиеся ударения, отступлений от правил, некоторых удобств говорения неграмотных и использования языка фарты целиком можно повторить применительно к языку *харки*.

Язык этот давнего происхождения: по свидетельству Е. А. В — вой, шестьдесят и более лет назад шабартинские¹ ребята, сплошь неграмотные, говорили, несмотря на запрещения взрослых, на этом языке. Он называется в некоторых местах *тарабарским*.

20. Близок к нему язык *гарги*. Он сложен по тем же правилам, что и предыдущий: к каждому односложному или двусложному слову или к корню (тоже не строго различаемому) слов многосложных прибавляется уток *гарги*; различие состоит в том, что вторая гласная утка находится в подчинении (не всегда строгом) у ударенной гласной основы.

Ты́гарги смотри́гарги! (ты смотри!). Или (из частушки, распеваемой в Тулуе): *Ты́гарги моёгорго сердегорго* (ты мое сердечко).

Употребляется и в детской переписке (в «записочках» при «ранних всходах»)².

21. К этой группе должно отнести язык *ениции*, распространенный лет 25 назад в Енисейске³ вместе с другими языками.

Пример: *Сегодэ́нии будэ́нии читэ́нии* и *переводэ́нии* *Парашэ́нии* *Сибириэ́нии* (или *Сибирэ́нии*) (сегодня будем читать и переводить Парашу Сибирячку)^{30*}. Начало крыловской басни о поваре-грамотее произносится так:

Какэ́нии поварэ́нии грамотэ́нии с поварэ́нии убежэ́нии своэ́нии, а домэ́нии стережэ́нии от мышэ́нии котэ́нии оставэ́нии.

¹ С. Шабарта Тулунского уезда Иркутской губернии.

² Сообщил Н. О. Татаринов.

³ Сообщил А. Н. Соболев.

22. К этой же группе следует причислить *подражательный язык*, образуемый переменной окончаний обычных слов на «французские».

Пример: Шантён целебрён лаглуар дашилъ (Антон серебро на бульвар ташил).

Ударения, конечно, на последнем слоге каждого слова.

Этот язык (некоторое время применявшийся в небольшой группе сельских школьников в Тулузе лет около 30-ти назад) был подхвачен из какого-то сборника детских пес.

ЯЗЫКИ С ПЕРЕСТАНОВКОЙ ЗВУКОВ ИЗ ОСНОВЫ В УТОК

23. Язык *шоуцы* (зовут в иных местах и тарабарским). Образован таким образом: после слова, если оно немного сложно, или первого слога основы, или вообще какой-либо части слова прибавляется двусложный уток, содержащий частицу *цы*; при этом, если слог основы начинается с согласной, то она, заменяясь звуком *ш*, переходит в уток и дает начало первому его слогу (вилка — *шилкавицы*, ножик — *шожикноцы* и т. п.)¹. Если слог основы начинается гласной, то к нему спереди подставляется *ш* (я — *шяцы*). Соблюдается гармония гласных.

Шайдацы шилкувицы и шожикноцы шожалуйстапоцы (дай вилку и ножик, пожалуйста).

Шаяцы шичегоницы шепонимаюницы шопоцы шпраеведенью крацы (я ничего не понимаю по краеведению)².

Правила здесь не весьма строги, особенно в части, касающейся разделения слов основы на слоги. Они разнятся, видимо, по местам, т. е. в разных селах и городах.

Разновидность этого языка дают варианты, в которых звук основы меняется не у первого слога, а из середины слова (второй или третий слог). Так, гадалейский³ вариант

¹ Принцип построения языка *шоцы*, может быть, следует рассматривать, как возведение в правило результата случайных оговорок — перестановок звуков, заметно удаленных друг от друга; например, режимом заножу вместо ножиком зарежу (в романе Ив. Евдокимова «Колокола»), пернила и черо вместо чернила и перо и т. п.

² Со слов Вал. Вас. Боровского сообщила М. В. Красноженова.

³ С. Гадалей Тулузского уезда.

языка (диалект) дает, например, не *шафелка-тауы*, как было бы в только что описанном варианте, а *ташелка-реуы* (тарелка).

История создания гадалейского диалекта, в коротких словах, такова.

Необходимость создать непонятный взрослым язык внесла несколько новых слов в лексику мальчуганов. Взрослые — вне закона; сделать «налет» на огород не считается в детских организациях предосудительным. Важно не «влопаться». Сделать налет на огород обозначалось словом *шестопла́вить*; были и другие слова. Кто-то приезжий привез разработанный язык;¹ он быстро (приблизительно в месяц) распространился под названием тарбарского. Вместо *шестопла́вить* получилось *шестопшавить-лацы* и проч. Обыкновенную речь из уст ребят трудно было услышать. Образец разговора: Пойшомте-дэцы, решáта-бяцы *шестопшáвить-лацы* в огошод-роцы к Гафашиловым-йцы; шам-тацы шесть-ецы шочень-воцы шобрые-доцы огушечки-рецы, а сашамацы шотка-тёцы Шарьямацы ушехала-ецы на зашимку-ицы.

«Перевод»: Пойдемте, ребята, *шестопла́вить* в огород Гафаиловым; там есть очень хорошие огуречики (огурчики), а сама тетка Марья уехала на заимку.

Ударений два: на слоге основы и первом слоге утка.

На этом языке ребята пробовали сочинять частушки; одна начиналась словами:

Сашет-пляцы шонь-коцы,
ишат-грацы гаршонь-моцы...

В переводе:

Пляшет конь,
играт гармонь...

Пелись такие частушки (их сочинили с десяток) несколько иначе, чем обыкновенные; их исполнение было близко к речитативу.

¹ Возможно, что, помимо устной традиции, язык этот сохраняется и передается в «памятнике», каковым являются популярные «Очерки бурсы» (Помяловский Н. С. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 2. С. 47).

Язык шопцы был и языком детской письменности. В записках писали слова — в целях достижения большей неясности — без малейшего отрыва, ничем не отделяя одно слово от другого.

Занесенный откуда-то язык в сравнительно короткий срок (2 — 3 года) претерпел некоторые изменения. Так, в заботах о благозвучии этого языка звук *ш*, имеющий большое значение, иногда заменяется на *с*; произносится: сашет-пляцы (пляшет) вместо ожидаемого шашет-пляцы.

Для некоторых слов выработалось исключение; например, признаком дурного знания языка в гадалейской языковой общине считалось, не говоря о неумении быстро говорить, пользование формами: огушец-рецы (огурец), иша-збацы (изба); тонкий знаток языка говорил: огушечик-рецы (огуречик), шизбачка-ицы (избачка).

Группа этих слов была очень невелика. Слово шорошоцы (хорошо) было вытеснено словом добшо-роцы, шобрые-доцы (добро, хорошие).

В числе преобразователей этого языка был двенадцатилетний, весьма способный, дерзкий на руку и язык, мальчуган-гадалеец.

Услышав впервые непонятную речь от сверстников, он не встретил со стороны владевших языком готовности научить его и усвоил язык только в результате упорного подслушивания в продолжение двух или трех недель.

Во все это время он был фактически отстранен от общественной жизни, изолирован от наиболее интересных иноязычных групп односельчан, а они, гордые знанием языка, были недоступны и разжигали любопытство. Ключом для него послужило не раз слышанное и в конце концов понятое им как свое имя: Шаська-вацы.

Овладев затем быстро языком, он был распространителем его за пределы Гадалея (Шарагул, Тулун).

Пользование этим языком в Гадалее длилось в продолжение двух-трех лет. Стоило только взрослым научиться понимать «тарабарскую речь», и он был оставлен, как не достигающий цели¹.

¹ Сообщил В. Д. Петропавлов.

ОБОРОТНЫЕ, ИЛИ ОБРАТНЫЕ, ЯЗЫКИ

24. Они, есть поводы думать, возникали не один раз в разных местах, в различных языковых общинах, независимо от взаимных влияний.

В последнем десятилетии прошлого века (вероятно, и раньше) красноярские бурсаки пользовались языком, который назывался *сзаду наперёд*.

Пример: Ялпац, йад енм йерахус — Цапля (прозвище), дай мне сухарей¹.

Несколько позднее группа подростков в Иркутске с легкой руки пьяного человека, который в рассказе Аверченко говорит два слова: *обисапс* и *онвабаз* (спасибо и забавно), стали говорить языком *сзаду наперед*, назвав его *оборотным языком*. Образец: йад жон — дай нож. В недавнее время одна детская группа (в Иркутске) стала исполнять на этом языке издевку:

Аклёк аклоким в епож аклоги тисс тидреп оселок титрев.

В согласии с акающим говором взрослой среды перенятые слова звучат как абисапс, анвабас; звук *з*, ушедший в конец слова, естественно перешел в *с*.

В некоторых языковых группах строгая перестановка звуков «сзаду наперед» нарушается, приносится в жертву удобству произношения и благозвучию; так, вместо ожидаемого по правилу неудобопроизносимого *отч* (что) практика дает изящное *точ*².

25. Более сложный оборотный язык строится по другому принципу. Каждое слово делят на две части (приблизительно по равному количеству слогов в каждой) и меняют их местами; односложные слова изменяются путем перестановки звуков.

Пример: Сяв́а́ ы́т диприхо́ мнecó (Вася, ты приходи ко мне).

Ударение ставится произвольно; чаще на последнем слоге. Предлоги редко отделяются от слов, с которыми они связаны (ср. *мнеко* — ко мне).

¹ Сообщил М. И. Пальмин.

² Сообщила О. М. Блюменфельд. Приведенная в тексте издевка, по словам наблюдательницы, привилась из литературного источника — из «Детской сатирической лирики» (Сибирская живая старина. 1925. Вып. III — IV. С. 98. № 71).

Язык в широком употреблении: на нем не только ведутся разговоры, но и поются песни, в частности, частушки.

Иногда описанные разновидности оборотных языков вступают в различные комбинации, создавая сложные образования.

И опять мы видим словно переключку русских детей с детьми кафров, которые тоже меняют порядок слогов, ставя один на место другого¹, и с детьми негров Вадшагга, переставляющими слоги слов: *losoma kitabu* (мы читаем?) звучит у них как *maloso bukita*².

ТАРАБАРСКИЙ ЯЗЫК

26. Несколько раз было здесь отмечено, что некоторые из искусственных детских языков называются в детской среде тарабарскими. Приходится думать, что это название — результат наслышки о существовании какого-то непонятного, тайного языка; может быть, в отдельных случаях название это было подсказано и закрепилось в детской среде насмешками взрослых, осудительно относящихся к детским разговорам на искусственных языках, как к пустой болтовне:

Тара-бара,
вчера была,
сёдни не пришла...

Чаще тарабарским называется в среде детей и подростков весьма широко распространенный язык, в основе которого лежит замена десяти согласных, идущих от начала русского алфавита, согласными, идущими от конца его, при полной неприкосновенности гласных:

первый ряд: б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н;

второй ряд: ш, щ, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

Примеры: *камашамлтий яфьгт* (тарабарский язык).

Описанные в § 1 — 25 искусственные языки не оказываются нужными взрослым людям, не перенимаются ими;

¹ Kidd B. Op. cit., p. 205 — 206.

² Gutmann B. Op. cit., s. 228.

это подлинно *детские языки*. Тарабарский занимает особое место.

Тарабарский язык, созданный средой взрослых, существующий едва ли менее полутысячелетия, может быть отнесен к детским тайным языкам только по одному признаку: он *усвоен* детской средой, перенят ею; но он не ушел окончательно из среды взрослых, создавшей его.

В детскую среду он проник, надо думать, тоже через книгу. В моих материалах по детскому языку имеется такая запись: «Мы в детстве охотно говорили на тарабарском языке, который вывели из бурсы мои дяди. Они взяли его у Мельникова-Печерского из романа „В лесах“»¹. В свое время имели большой спрос среди читателей и «Исторические очерки поповщины» этого автора, где дается ключ к тарабарскому языку и образцы разговоров².

ДЕТСКИЙ БЛАТНОЙ ЯЗЫК (ARGOT)

27. При слабой у нас изученности блатных языков взрослых — языков, испытавших на себе различные воздействия, вобравших самые разнообразные слова из многих языков, — и почти полном отсутствии хорошо и полно собранных материалов по детскому argot теперь невозможно в каждом отдельном случае с уверенностью говорить, имеем ли мы дело с тайным языком *детским*, т. е. употребляющимся только в детской среде, или мы имеем дело с языком, общим для детей и взрослых; трудно также в каждом отдельном случае судить об источнике, влияниях, заимствованиях, перелицовках и проч. По аналогии с некоторыми другими здесь описанными языками можно думать, что ходовые книги, как «Сахалин» Чехова, «Сахалин» Дорошевича, «Киевские типы» Куприна, новая беллетристика, затем — газеты последних годов не прошли бесследно и — посредственно или непосредственно — способствовали проникновению блатного языка взрослых в детскую среду.

¹ Из письма ко мне этнографа-лингвиста Е. И. Титова. Речь идет о воспитанниках Читинской бурсы последних десятилетий прошлого века, завезших тарабарский язык в Урульгу Забайкальской области.

² Мельников П. Исторические очерки поповщины. М., 1864. Ч. I. С. 116 — 117.

Разные ветви блатного языка надо уследить наблюдателю: argot внешкольных детских сообществ (беспризорники и др.), argot сообществ школьников (питомцы детских домов и др.), argot, растворяющийся в обыкновенной речи, т. е. теряющий основное свое свойство — быть тайным и проч.

Материалом, заполняющим некоторую часть первого из перечисленных отделов, может служить небольшой словарь¹, составленный беспризорным из дома для дефективных детей в Сызрани (1919 — 1920 гг.).

Бóтать — разбалтывать, хвастать; бóтало — хвастун. Брахло́ — ворованное. Гореть — попадаться в чем-либо. Грубо́ — хорошо. Жучок — подозрительная личность. Загнать в бутылочку (в пузырек) — разозлить. Загонять — продавать. Занáчка — упрятывание денег, занáчить — прятать. Засы́паться — попасться в чем-либо, с чем-либо. Зекить — стоять смотреть. Косать — бить. Ксива — документ, паспорт. Липовый ширмач — помощник вора. Плитовать — бежать, скрываться. Перенáчить — перепрятать. Перышко — ножичек, которым вырезают карманы. Понт; взять (поймать) на понт — обмануть. Сара, сармак — деньги. Семён — тот, кого надо опасаться; сигнал: Семен! горит! плитуй! Серьга — замок. Скула — боковой карман. Снимать — наблюдать. Собачка — замок. Стрем — пост сторожевой. Трекнуться — догадаться. Тырить — прятать; перетырить — перепрятать; перетырка — путаница. Ударить по ширме — воровать. Фра́ер — имеющий кошелек. Ховать — есть. Хру́стать — есть. Червячок — поезд. Ширмач — карманный вор. Шмат — репи́с. Шмель — кошелек. Шпайка (шпалер тоже) — револьвер.

Из этих почти четырех десятков слов очень немногие (хрустать, сара, грубо) находим в приводимом далее словаре сообщества школьников. По малому количеству слов, общих для двух групп, делать какие-либо заключения нельзя; к тому же второй список слов относится не только к другой социальной среде, но и к другой мест-

¹ Передан мне Е. И. Титовым.

ности: слова записаны наблюдателем¹ весной 1924 года в Чите (Кузнечные Ряды) среди школьников.

Балтúю — вору. Вздýбить — рассердить. Всадка — десятка, 10 рублей. Выпытать — просить. Гришка — гривенник. Грубо — хорошо; живой грубняк — хорошо. Живая арка (сарка?) — много денег. Дёпéшка — копейка. Заявлять — вызывать на драку, создавать повод к драке. Зеть — смотри. Зудить — сердить. Зробить — ударить. Киса (тиса) — кожаный кошелек (мешочек) с деньгами. Конáть (канать?) — бежать; конáй (канай) — беги; откáнывать — убегать. Комендант (в местном произношении: камендáнт) — камень. Колёсы — калоши. Курахан — пять копеек, пятак; в воровском (у взрослых) — 5 рублей; ср. бурятское хуриhа — маленький барашек. Ляма — хорошо; ламик — полтина; ламистый — хороший. Наум — отец (еврейское); наумиха — мать. Нагануха — револьвер. Пендель — футбол. Петух — пятак; в воровском — 5 рублей. Поеланить — побежать. Позить — курить. Позырка — подсмотр, наблюдение; позуркитать — посмотреть. Поросята — патроны. Саракот — отец; от воровского сара (татарское сара — желтый, золото) — деньги, кот — живущий на средства проститутки; саракотуха — мать; саракадум — отец (сара + думать); сарка — деньги; сармак — деньги. Сбóдать (сбондить) — украсть. Свинка — револьвер. Синичка — спичка. Сирты — карты; в воровском: стирки — карты со стертыми лишними «очками»; в сирты лáкшить — играть в карты. Сóрак (сорок?) — оставь окурок; сорокнй — дай. Сочка — коробка из-под спичек. Сухарь — камень. Тэрснуть — ударить. Фазанить (и франзить) — курить. Фас — фасон (?); на фáс — хорошо. Фукá пустить — поджечь. Хаска — дом; от немецкого — через еврейский жаргон Haus. Хруст — рубль. Чирик — четвертак.

Некоторая (большая) часть этих слов оказывается общей для языка взрослых и детей; есть в них и слова, не входящие в лексику взрослых.

¹ Е. И. Титовым; ему принадлежат и пометки, сделанные при объяснении некоторых слов.

В детских домах Иркутска находим некоторые из слов читинских школьников; находим и много новых. В Жилкинском детском доме известны¹, например: зэкс! — будь осторожен (предупреждающий оклик); зазэкаться — влопаться, попасться. Лягáвить — доносить. Понт — вранье (?); с понту взять (сказать) — соврал, с обману взял, провел, одурачил. Скачок сделать — выкрасть что-нибудь из кармана: «скачок сделал да и жил!» Дети другого дома, жившие нынче на даче в деревне Худяковой, употребляют многие из слов предыдущих списков, знают и некоторые новые. Дербáчить, обдербачить — объесть: всю черемуху обдербачим. Зы́кать — смотреть: я буду зыкать, как ты рисуешь. Мент — милиционер. Плитовать (плетовать?) — прибежать: потом плетовали, плетовали — приплетовали домой. Оплеушить — оборвать: они одни ее (черемуху) оплеушат. Скачок — воровство, кража: идешь сёдни на скачок? (воровать). Шáмалка — хлеб, еда: дай-ка шáмалки! Шпай, шпайка — оружие.

Многие слова тайного языка употребляются часто без всякой нужды оберегать какую-либо тайну; из последнего приведенного списка только два примера (слово «скачок» и может быть, слово «мент») могут служить исключением, все остальные показывают если не разложение тайного языка, то растворение его в обыденном. Можно указать немало слов, которые употребляются в обиходной детской речи. «Взял я — гру́бенький камешок — и р-раз!..» — говорит одиннадцатилетний мальчик из пригородной деревни (Худякова под Иркутском). Довольный удачным ударом, он заключает: «вот это грубо вышло!» Гру́бен-кий — подходящий, ловконький; грубо — хорошо. Иркутские рабочедомские ребята говорят: «ты арапа-то не заправляй!» — не говори несуразностей, не неси околесицу, не ври. «О, да он — заводной-то какой!» — говорят о товарище, которого легко завести, т. е. вывести из терпения, раздражить.

Растворение блатного языка в языке повседневном отразилось на детской лексике, обогатив ее новыми элемен-

¹ Сообщила Д. С. Стрыгова.

тами, о качественной стороне которых судить преждевременно.

НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

Описанные здесь языки составляют сравнительно малую долю всех, «имеющих хождение» в детских городских и сельских группах. Некоторое число их не вошло в мое настоящее описание по случайным причинам; в большом количестве они остаются недостаточно примеченными.

Почти все «школьные способы скрывания истинного смысла речи прибавлением к слову или каждому слогу какого-нибудь условного слога» (определение Поржезинского^{31*}) или «разные коверкания языка у школьников» (по определению Томсона^{32*}), как и другие описанные способы взаимообщения через слово, дети и подростки называют *языком*. Но для каждого языка обычно нет определенного наименования; в жизненном обиходе языковой общины употребляется чаще всего описательное выражение, например, «говорить *на бер*», «говорить *на шиуы*» и т. п. (§ 3, 9, 13, 14, 15, 16); для некоторых, например *argot* (§ 27), нет никакого обозначения; сравнительно редко встречаются названия, например, *тутни*, *зутни*, *оборотный*, *тарабарский* (§ 4, 5, 24, 25, 26).

Все описанные языки должны быть отнесены к *тайным* языкам: все они (некоторое исключение можно сделать для заумного языка) имеют целью сокрытие тайны. Правда, часто язык служит у малых детей и для забавы, но не они должны братья во внимание, а группы более старшего возраста, являющиеся если не создателями (§ 17) и не всегда преобразователями языка (§ 23), то хранителями, носителями его; в этих группах пользование языком имеет целью «скрывание смысла речи» (§ 3, 5 и др.); если в этих группах и наблюдаем *игру языком* (с целью ли обратить на себя внимание или с целью заинтриговать кого-нибудь), то и в этих случаях общее положение не нарушается: заинтриговать можно только неожиданным, неизвестным, тайным.

Все эти языки, по Поржезинскому, — «естественные продукты общежития людей, и развиваются они на фоне обычных языков». Выделив детский заумный язык и *argot*,

обо всех остальных описанных тайных языках можно сказать, что в них звуки, грамматический строй, значения слов, часто словарный состав — все сохраняется из обычного языка главной языковой общины (языка взрослых).

Три вида слов можно наблюдать в тайных детских языках. Заумные слова (§ 1) просты: они представляют один легко узнаваемый элемент — только словесный знак. Большая часть слов (§ 3 — 26) состоит из двух элементов — словесного знака и значения. В словах детского *argot* (§ 27) часто находим три элемента — словесный знак, значение и художественный образ.

Особенностями детских тайных языков, в сравнении с повседневным общим языком, надо считать прежде всего способы словообразования: включение в «основу» слов односложных и многосложных частиц (§ 3, 4, 5 и мн. др.), замена окончаний (§ 18 — 22), перестановка звуков (§ 23, 26), склеивание разных слов (саракот, например, § 27). В то время как обыкновенный язык, по-видимому, обнаруживает тенденцию к ограничению числа звуков в целях возможно широкого и быстрого общения, в тайных детских языках наблюдается противоположная тенденция — к увеличению (нагромождению) числа звуков в словах (§ 4, 5 и др.) в целях затруднить понимание языка для чужих и тем самым мешать его распространению.

Наряду с увеличением числа грамматических ударений и некоторой подчеркнутости их (§ 4, 5, 6, 7 и др.) во всех описанных языках (исключение составляют, не говоря о заумном, *argot* и тарабарский) наблюдается почти полное устранение смыслового (логического) ударения и заметное угасание эмоционального тона, которым сопровождается в обычном языке «передача понимаемого нами осмысленного содержания *сообщения*», по слову Шпета^{33*}.

Приметной особенностью большей части языков является быстрое произношение и, как следствие, сокращение пауз до возможного минимума.

Утрачивая в одном отношении, некоторые языки выигрывают в другом: например, скопление гласных создает музыкальность языка (§ 4, 5, 10 и др.).

Очень редко удается установить, кто является творцом, изобретателем того или другого языка (в сделанном опи-

сании только в одном случае дается такое указание — § 17); немного чаще встречается возможность говорить о преобразовании языка и о преобразователях (см. § 4, 5, 23).

Носителями их являются преимущественно городские дети, как мальчики, так и девочки; если они наблюдаются у некоторых групп сельско-деревенской детворы, то, за редкими исключениями (§ 19), почти всегда можно установить воздействие — посредственное или непосредственное — города (§ 4, 22, 24, 26).

Возраст их — от 8 до 15 лет; в отдельных редких случаях можно говорить о пользовании тайными языками детей более младшего возраста, несколько чаще — подростков старше 15 лет¹. Период раннего детства, как и начало второго периода, видимо, не создают тех условий, которые вызывают появление тайного языка. В одних случаях, может быть, анатомические основы речи у детей недостаточны для овладения сложным языком и особенно манерой произношения. В других случаях, может быть, еще нет таких тайн, которые послужили бы толчком к усвоению тайного языка. Такое предположение подсказывается тем наблюдением, что ребята этого возраста, перенимая от старших тайный язык и пользуясь им как тайным при общении со старшими, — в своем кругу, в кругу однолеток, пользуются им только для развлечения, ради забавы.

¹ Наша литература дает мало материалов для суждения по вопросу о том, какой возраст творит тайные детские языки и какой ими пользуется. Специалисты-языковеды (Томсон, Поржезинский), говоря об искусственных детских языках и называя их языками *школьников*, тем самым отвечают — недостаточно определенно — на вопрос. Указания Н. Рыбникова, являющиеся, видимо, сводкой литературных данных, не противореча определениям языковедов, вполне совпадают с выводами, которые можно сделать из приводимых в этом очерке описаний. Период стремления к созданию тайных языков «чаще всего совпадает с промежутком между 8 и 15 годами, лишь изредка поднимается до 18 лет или спускается ниже (до 6). Особенно большой интерес к этому языку обнаруживают дети от 10 — 13 лет» (Язык ребенка. М.; Л., 1926. С. 59). Еще определеннее вывод Э. К и р п а т р и к а: «Интерес к языку, как к таковому, независимо от идей, какие он может выразить, часто проявляется в значительной степени впервые в играх, в построении какого-нибудь секретного языка. Эта тенденция достигает своего максимума около тринадцати лет» (Основы педологии. М., 1925. Изд. 3-е. С. 222).

Превращаясь в средство для забавы, такой язык теряет свое основное свойство, т. е. перестает быть тайным; поэтому ребята постарше иногда изобретают особый язык, недоступный малышам (§ 17).

В городе или районе, на территории школы существует несколько языковых общин; каждой желательно иметь свой тайный язык; обыкновенно каждая община владеет не одним языком; один из них — в роли эсперанто, употребляющийся для сношения с другими языковыми группами. Иногда группа девочек имеет свой тайный язык, которого не должны понимать мальчики; к нему они прибегают в случаях необходимости обменяться между собою словом в обществе мальчиков.

Большая часть описанных тайных языков сравнительно легко дается и неграмотным членам языковых групп (§ 4, 19 и др.). Разница между грамотными и неграмотными в границах языковой группы заключается в том, что господствующий в определенной провинции говор (акающий или окающий) у неграмотных выступает заметно, в то время как члены языковой общины, отягощенные школьной грамматической эрудицией, гласные, а иной раз и согласные, звуки произносят «по-книжному» (§ 7, 16, 18); стоит отметить также большую свободу неграмотных в разделении слов на слоги (§ 16, 18 и др.).

Изобретение нового языка — дело, надо думать, далеко не повседневное. Обыкновенно язык получается, как культурное наследство, младшими товарищами от старших. Но унаследованный язык, как сказано, иногда творчески перерабатывают, применяясь к обстоятельствам, вкусам и проч., подвергая изменениям, преобразованиям. Источники, питающие детское языковое творчество, различны. В отдельных, не очень редких, случаях можно наметить и *книжные изводы*: «Маленькие дикари» Сетона-Томпсона дают готовый язык и подражания ему (§ 4), «На Крайнем Севере» Лонга обогащает детский словарь, дав прозвища и обозначения, которые вошли составною частью в тайный язык (§ 4); то же приходится сказать про «Песнь о Гайавате» и о романах Фенимора Купера; Аверченко подсказал принцип или, правильнее, дал эмбрион оборотного языка (§ 24); кажется,

через сочинения Мельникова-Печерского вошел в детскую среду тарабарский язык (§ 26); через сборник детских пьес вошел в обиход подражательный язык (§ 22)¹.

Некоторые из тайных детских языков отличаются удивительной живучестью. Для одного имеем засвидетельствование его по меньшей мере шестидесятилетней давности (§ 19); нет оснований отказываться от мысли, что давность существования другого языка должно измерять по малой мере десятилетиями, разделяющими начало нашего столетия от времени пребывания в бурсе Помяловского (§ 23), и пр.

Некоторые из описанных детских языков имеют большое географическое распространение; см. § 5, 7 и др.

Каким требованиям должен удовлетворять искусственный, в частности тайный, язык, чтобы привиться в детском обществе, сохраниться и широко распространиться?

Требования эти (поскольку дело не касается тарабарского языка и argot) главным образом практического характера.

а) Прежде всего этот язык должен быть непонятным для непосвященных. Как только язык дешифрован, особенно взрослыми, немедленно его осложняют или совершенно оставляют, заменяя новым (§ 23): хорошая группа недаром владеет несколькими языками.

б) Он может и, чтобы возбудить интерес, должен быть сложным и трудным, но в меру — не настолько, чтобы им не мог овладеть круг детей и подростков, корпорация.

Пользуются предпочтительно тем языком, который в определенных обстоятельствах является наиболее полезным, целесообразным. Меньший возраст обыкновенно пользуется языками более простыми — в меру сил и возможностей (§ 8, 13, 16). Восходя «от силы в силу», тонко овладевают более сложными и, значит, более трудными языками.

¹ Эти примеры находятся в противоречии с положением Н. Рыбникова (Указ. соч., с. 59), будто «почти совсем не наблюдается случаев заимствования тайного языка из книг». Спору нет, в большей части случаев секретные языки наследуются; однако роль книги заметнее, чем это представляется автору названной интересной книги о языке ребенка.

в) Строение языка должно обеспечивать *быстроту произношения*. Быстрота произношения преследует те же цели сокрытия тайны (§ 3, 8, 9, 23).

Она достигается выбором четких вставных слогов, помещением ударения в самом начале слова или определенной группы звуков или в конце; в середине слов ударение если и встречается, то очень редко.

г) К искусственному языку предъявляются и требования эстетического порядка: он должен быть звучным и ритмичным.

Звучность достигается или равномерным чередованием гласных и согласных, или преобладанием гласных (§ 4, 5, 17); или подбором звонких согласных (§ 19); во многих случаях наблюдается ассимиляция соседних или несоседних звуков — гармония гласных, состоящая в том, что гласные уткá частично или полностью уподобляются гласным основы (§ 4, 5, 10, 11, 23). Члены языковой общины, не лишенные «чувства языка», в затруднительных случаях умеют избежать всего неуклюжего, жесткого, мертвого, сухого в используемом языке (§ 6, 10, 13, 17, 23, 24). Повторение через определенные, иногда точные, промежутки времени одних и тех же тонко подобранных звуков и их комплексов, нередко сообщает речи ритмичность. Косность неподвижных привычек и правил пользования словом преодолевается со смелостью, ничем не ограниченной, и радостью, не отравленной робостью и сомнением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹* *Рацейка* — рождественское поздравление, произносимое или выкрикиваемое нараспев колядовщиками, обходившими дома односельчан.

²* Г. С. Виноградов в 1914 г. в с. Тулун Иркутской губернии записал одну из разбойничьих драм, ошибочно назвав ее «Царем Максимильяном» (см.: *Виноградов Г. С. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири*. Иркутск, 1918. С. 46.).

³* *Lanx satuga* — полная чаша (*лат.*).

⁴* Приведенная цитата взята из романа «Братья Карамазовы» (см.: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 187).

⁵* *Схлюздить* — обмануть, покривить душой; зажимать, присваивать себе чужое. *Хлюзда* — плут, обманщик, мошенник, шулер.

⁶* *Сбрендить* — струсить, соврать, украсть, стянуть что-либо.

⁷* *Ичка* — яичко.

^{8*} Строки из «Послания 1 (К Августу)» Горация:

Бранью крестьяне в стихах осыпали друг друга чредою.
С радостью вольность была принята, каждый год возвращаясь
Милой забавой, пока уже дикая шутка не стала
В ярость открыто впадать и с угрозой в почтенные семьи
Без наказания врываться...

Русский перевод Н. С. Гинцбурга цитируется по «Собранию сочинений» Горация (СПб., 1993. С. 330).

^{9*} Ех prompto — экспромтом, без подготовки, вдруг (*лат.*).

^{10*} Литотес (литота) — стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом преуменьшении; имеет характер, обратный гиперболе.

^{11*} Имеется в виду статья К. Бальмонта «Поэзия как волшебство», вышедшая отдельным изданием в 1915 и в 1922 годах. О звуке «р» у Бальмонта сказано не просто «скорое взрывное», как цитирует Г. С. Виноградов, а «скорое, узорное, угрозное, спорное, взрывное. Разорванность гор...» (*Бальмонт К. Поэзия как волшебство. М., 1915. С. 67*).

^{12*} Костер — поленница, дрова, сложенные в клетку.

^{13*} Desiderata — что-либо пожелания или намерения (*лат.*).

^{14*} Opprobria rustica — деревенская брань (*лат.*).

^{15*} Чарок — обычная сибирская обувь, напоминающая бахилы.

^{16*} Братскаяй (братский) — относящийся к инородцам, им принадлежащий; нередкое прозвище бурят.

^{17*} Селенга — так на Байкале назывался восточный ветер и омуль, пригоняемый этим ветром.

^{18*} Кумаханька — может быть, от слова «кумоха», «кумаха», как в народе называли лихорадку, иногда вообще нечистую силу, лихо, внезапную напасть.

^{19*} Лагун — бочка, бочонок, ведро для воды.

^{20*} Заплот — забор; деревянная сплошная ограда из досок или бревен.

^{21*} Ичиться — быть одержимым икотой, икать.

^{22*} Серка — топленая смола лиственницы, которую жуют как лакмост и чтобы зубы были белыми.

^{23*} Argot — жаргон, сленг (*фр.*).

^{24*} Рафаэль Кюнер (1802 — 1878) — немецкий филолог и педагог, автор известных грамматик древних языков. Его греческая и латинская грамматики выдержали в России большое число изданий, служили незаменимым учебным пособием, они включали не только теоретический курс, но и статьи для перевода, хрестоматию и словарь.

^{25*} Ксенофонт (ок. 434 — 359) — греческий историк и философ. «Анабазис Кира» — одно из лучших его произведений, описывающее историю похода Кира-младшего против его брата, персидского царя Артаксеркса II; принадлежит к популярнейшим произведениям античной классики.

^{26*} Приам — последний троянский царь, правивший 40 лет, во время троянской войны был настолько стар, что не принимал участия в битвах, погиб в ночь взятия Трои у алтаря Зевса; обычным вооруже-

нием воинственных троянцев были боевые копья, которыми они превосходно владели.

^{27*} Уток — нитка, которой ткут; она наматывается на шпульку, вставляется в челнок и идет поперек основы, образуя ткань.

^{28*} «...детская азбука, малый букварь» — слова из статьи К. Бальмонта «Поэзия как волшебство»: «Я беру свою детскую азбуку, малый букварь, что был первым вожатым, который ввел меня еще ребенком в бесконечные лабиринты человеческой мысли. Я со смиренной любовью смотрю на все буквы, и каждая смотрит на меня приветливо, обещаясь говорить со мной отдельно» — этими словами Бальмонт начинает ту часть статьи, где пытается разгадать характер и смысл каждого звука (*Бальмонт К. Поэзия как волшебство. С. 57*).

^{29*} Драга — механизм, с помощью которого извлекается со дна грунт, отдельные ценные минералы и россыпи золота.

^{30*} «Параша Сибирячка. Русская быль в двух действиях с эпилогом» — популярная пьеса Н. Полевого (1840), призывавшая к милости к сибирским каторжникам. Ставилась на сценах столичных театров (в Петербурге последний раз шла в 1896 г.), особенным успехом пользовалась в провинции.

^{31*} См.: *Поржезинский В. К.* Введение в языковедение. С. 212.

^{32*} См.: *Тамсон А. И.* Общее языковедение. С. 379.

^{33*} *Шпет Г. Г.* Эстетические фрагменты. II. Пб., 1923. С. 19.

Публикация А. Ф. НЕКРЫЛОВОЙ и В. В. ГОЛОВИНА